ДЖОАННА

ЛИНДСЕЙ

Ангел

Он и не думал,

что встретит любовь,

ради которой

стоит рискнуть жизнью...

Вестерны

Джоанна Линдсей

Ангел

«АСТ»

2001

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Линдсей Д.

Ангел / Д. Линдсей — «АСТ», 2001 — (Вестерны)

ISBN 978-5-17-097329-3

Этого загадочного человека называли Ангелом. По пятам за ним следовала слава самого быстрого, самого отчаянного, самого безжалостного стрелка во всем буйном Техасе. Он не верил ни во что, кроме своего смертоносного кольта… до той поры, пока его помощи не попросила юная и невинная Касси Стюарт.И тогда Ангел понял, что на свете есть то, о существовании чего он и не подозревал, – любовь…

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-097329-3

© Линдсей Д., 2001
© АСТ, 2001

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 20
Глава 5 28
Глава 6 34
Глава 7 37
Глава 8 42
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Джоанна Линдсей
Ангел

© Johanna Lindsey, 2001
© Перевод. В.Д. Кайдалов, 2002
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Техас, 1881 год

Полдень… Именно тот час, который во многих городках Дикого Запада ассоциируется со смертью. Не был исключением из правил и этот городок. Само время должно было 7 июня подсказать людям, которые понятия не имели о происходящем, что должно случиться, когда народ стал стремительно покидать улицу. Лишь одно-единственное событие могло вызвать такое бегство в эту пору.

Полдень… Время, когда ничто не сможет помочь, когда внимание не отвлечено на малейшее колебание тени, когда опускающееся к горизонту солнце не слепит глаз и не выкидывает никаких трюков. Именно в это время дня поединок происходит максимально честно. Никто не остановится поглазеть, не растерялся ли вызванный на поединок, никто не найдет предосудительным, если кого-то вынудят принять вызов. У человека, который зарабатывает себе на жизнь револьвером, не так уж много других вариантов.

Улица почти опустела, лишь из окон домов выглядывали любопытные, жаждущие увидеть смерть. Даже ноябрьский ветерок поутих, дав возможность пыли, кружащейся в ярких лучах солнца, осесть на землю.

С северного конца улицы появился зачинщик поединка Том Прайн, именовавший себя Грешник Том. С момента, когда он вызвал своего противника, прошел уже почти час – время, вполне достаточное для того, чтобы решить, не был ли его вызов чересчур поспешным. Подумав, он сделал вывод, что не был, хотя нервишки Тома и пошаливали, впрочем, как и всегда перед очередным поединком. Да когда же наконец он станет таким же спокойным, какими выглядят в подобных передрягах другие мужчины!

Тома не страшило убийство. Ему нравились ощущения мощи и триумфа, переполнявшие его после победы, удивительное чувство собственной неуязвимости. И еще страх. Господи, как же ему нравилось, когда окружающие боялись его! Не важно, что перед каждым новым поединком ему приходилось подавлять свой собственный страх. Все, что следовало за схваткой, стоило этого.

Он искал приключений, подобных нынешнему, искал возможности сделать себе имя. Его прозвище, то, которое он себе присвоил, еще не было известно так широко, как ему хотелось бы. На Юге пока никто и не слыхивал о Грешнике Томе. Черт побери, да его сразу же забыли даже в его родных местах! Ведь до сих пор ему приходилось участвовать в револьверных схватках с таким же отребьем, как и он сам.

Но его сегодняшний противник, Ангел, был совсем из другого теста. Это имя было у всех на слуху. Кое-кто называл его Ангелом Смерти, и для этого были основания. Никто не смог бы перечислить всех, кого он отправил на тот свет. Поговаривали, что и сам Ангел потерял им счет. Он имел репутацию не только скорого на руку, но и удивительно меткого стрелка.

Том в меткости уступал ему, но он куда быстрее выхватывал револьвер и отлично знал об этом. И еще он совершенно точно помнил, скольких людей убил – карточного шулера, двух фермеров и помощника шерифа, который весь прошлый год пытался поймать его, считая, что он заслуживает петли за убийство безоружного человека. Про помощника шерифа, впрочем, никто не знал, и это было хорошо. Том хотел сделать себе имя, но отнюдь не жаждал красоваться по всей округе на плакатах с надписью «Разыскивается».

На его пути к вершинам славы были и другие поединки; где-то в половине из них он преуспел, побеждая в основном за счет скорости, с которой выхватывал револьвер, – его про-

тивники были так напуганы его ловкостью, что просто бросали оружие и сдавались. Том надеялся, что нечто подобное произойдет и сегодня. Конечно, Ангел не бросит свой револьвер, но Тому хотелось думать, что его противник тоже будет обескуражен, а у него достанет времени как следует прицелиться. Когда же дым рассеется, именно он, Том, окажется победителем.

В этом городке он провел всего два дня. И уже сегодня покинул бы его, если бы не услышал, что прошлой ночью сюда приехал сам Ангел. А вот о его собственном приезде никаких слухов не возникало. Зато после сегодняшнего поединка они будут.

Ангел, которого Том остановил утром сразу же после того, как тот вышел из отеля, нисколько не походил на человека, которого ожидал увидеть Том. Он почему-то думал, что знаменитый дуэлянт выше ростом, старше, да и не должен выглядеть таким абсолютно безразличным, когда его вызывают на поединок. Противник же вел себя так, словно беспокоиться ему совершенно не о чем. Но Том не позволил себе размышлять над всем этим.

Он преградил Ангелу дорогу и произнес громко, чтобы слышали все окружающие:

– Ангел! Я слышал, вы довольно споро управляетесь с револьвером, но хочу сказать, что я делаю это быстрее.

– Очень рад за вас, мистер, и не стану с вами спорить.

– А вот я намерен это доказать. Ровно в полдень. Не разочаровывайте меня.

Только уходя, Том осознал, сколь холодны и бесстрастны были глаза Ангела – черные как смертный грех глаза безжалостного убийцы.

И теперь Ангел с адским спокойствием ждал приближения вызвавшего его человека. Том двигался по самому центру улицы, но был еще довольно далеко.

Со стороны никто не заметил бы в хладнокровном убийце ни малейшего признака гнева. То, что он намеревался сделать, не стоило никаких эмоций, ибо в корне отличалось от убийства человека, который заслужил того. Этого же молокососа он совершенно не знал, не ведал и того, какие грехи лежали на его совести, скольких людей он убил, пытаясь сделать себе имя, и убил ли он вообще кого-нибудь. Ангел решительно не хотел этого знать.

Знание подробностей не изменило бы того, что он собирался сделать, однако лишило бы его ощущений бесстрастного исполнителя. Хотя большинство юных искателей славы остерегались сразу начинать с него, с Ангела. Прежде чем предпринять попытку сделать себе имя, они, как правило, уже имели за спиной несколько поединков, а это значило, что у них на совести несколько убийств – стало быть, невинные люди уже пали жертвами их мечты приобрести репутацию бретера. Ангел убивал подобных авантюристов без всякого сожаления. Делая это, он смотрел на себя как на исполнителя приговора, очищавшего мир от подобной мерзости быстрее, чем это сделал бы закон, и спасавшего тем самым жизни невинных людей.

Его собственная известность была одновременно и проклятием, и благословением. Она притягивала к нему искателей славы. И ничего нельзя было с этим поделать. Но она порой и упрощала его задачу, потому что многие старались держаться от него подальше, спасая этим свои жизни. Он же терпеть не мог убивать людей, все преступление которых состояло в том, что они работают не на того хозяина.

Он был наемным убийцей. И отдавал себе в этом отчет, так же как и в том, что он один из лучших в своем деле, весьма недурно к тому же оплачиваемом. Его можно было нанять практически для любого задания, если предложенная сумма оказывалась достаточной. Заказчики были приучены не предлагать ему примитивных убийств для сведения счетов, потому что рисковали найти свой конец от его руки, если бы позволили себе что-то подобное. Он не видел разницы между человеком, который спустил курок револьвера, направленного на ничего не подозревающую жертву, и человеком, который нанял его сделать это. В его понимании оба были убийцами.

Ангел не оправдывал себя за ту жизнь, которую вел. Хотел, чтобы она сложилась по-другому, но судьба распорядилась иначе. И хотя инстинкты побуждали его скорее к милосер-

дию, он разделял убеждения того человека, который научил его, как защищать себя с помощью револьвера:

– Совесть – вполне законное чувство, но в поединке ей нет места. Если уж ты собрался стрелять, то постарайся убить своего противника, иначе он вернется и будет преследовать тебя и однажды темной ночью в глухой аллее пустит тебе пулю в спину, потому что как-то раз уже пытался убить тебя в честной схватке и теперь знает, что ты быстрее управляешься с револьвером и у него нет ни малейшего шанса превзойти тебя. Именно это и произойдет, если ты только ранишь человека, хотя может случиться и так, что он решит, будто ты ловкий, но целишься плохо. В этом случае он встретит тебя лицом к лицу, а там уже дело случая – как тебе повезет. И чертовски стыдно, если ты встретишь свою смерть от руки человека, которого мог бы убить, но не стал этого делать.

Три раза Ангел смотрел в лицо смерти, сходясь с отъявленными негодяями, пока не усвоил кредо своего учителя. Три раза спасся, хотя и с помощью посторонних. Три раза оставался в долгу, а он был не из тех людей, которые чувствуют себя спокойно, имея за душой долг. Дважды расплачивался, второй раз совсем недавно.

Он появился в этом городке, надеясь заплатить по третьему из счетов. И как раз отправился разыскивать Льюиса Пикенса, чтобы разобраться с ним, когда дорогу ему преградил этот мальчишка.

Ему удалось узнать только прозвище юнца – Грешник Том. В книге приезжих в гостинице значилось именно оно. Парень был в городе проездом, как и сам Ангел, и никто не мог сказать, кто этот Грешник Том – матерый убийца или всего лишь молодой дурак. Черт возьми, Ангел терпеть не мог неопределенности, не любил убивать вслепую. Он не искал этого поединка, пытался уклониться от него, но, коль скоро вызов прозвучал, не мог отклонить его. Грешник Том почему-то страстно желал убить его. Ангел должен был принять к сведению его желание, чтобы избежать упреков совести.

Грешник Том с явным наслаждением растягивал время, медленно приближаясь к противнику. Двадцать футов, пятнадцать… Наконец в десяти футах он остановился. Ангел предпочел бы стрелять с большего расстояния, но сейчас выбор был за его соперником. Ему приходилось слышать, что на востоке человек, которого вызвали на поединок, имел право выбирать оружие, мог даже сражаться на кулаках, если хотел. Происходи все там, Ангел с удовольствием вколотил бы в этого юнца немного ума, вместо того чтобы убивать его. Но на Западе все иначе. Здесь, если ты носишь на поясе револьвер, то должен им воспользоваться.

Подбитая мехом куртка Тома уже была расстегнута и распахнута, руки напряженно застыли у пояса – он был готов к поединку. Очень медленно Ангел распахнул свой макинтош. Не глядя на руки своего противника даже для того, чтобы понять, не дрожат ли они, он смотрел в его глаза.

Наконец решил в последний раз попытаться кончить дело миром.

– Мы не должны делать этого. Здесь вас совершенно никто не знает. Вы можете просто уехать отсюда.

– Забудьте об этом, – ответил юнец, окончательно успокоившись, – он решил, что Ангел боится драться с ним. – Я готов.

Поблизости никого не было, так что никто не слышал вздоха Ангела.

– Тогда приготовьтесь к смерти, мистер. Не в моем обычае ранить противника.

Том Прайн, двадцати одного года от роду, тоже не имел намерения ранить кого-то, да и с револьвером он обращался проворнее. Он выхватил и вскинул револьвер секунды на две раньше Ангела. Этого времени ему вполне хватило бы, чтобы надежно прицелиться, если бы у него хватило терпения, но Том в поисках славы действовал торопливо и безрассудно. Пуля из его револьвера, просвистев в дюйме от плеча Ангела, зарылась в грязь в дальнем конце улицы.

Ответное движение Ангела было молниеносным. Том не мог бы упредить его, даже если бы и захотел, а прицел опытного стрелка оказался смертельно верен.

Том Прайн приобрел некоторую известность, хотя слава его не разнеслась столь далеко, как он того желал. О нем говорили еще довольно долго после этого происшествия, а эпитафия на его могиле гласила: «Здесь покоится Грешник Том. Он бросил вызов Ангелу Смерти и проиграл».

Владелец похоронного бюро в этом городишке определенно отличался профессиональным чувством юмора.

Глава 2

Поравнявшись с камином, Кассандра Стюарт изящным движением положила в огонь полено. Лежавшая в противоположном углу комнаты кошка подняла голову и недовольно фыркнула. Девушка взглянула на кошку и пожала плечами.

– Извини, Марабелла, – сказала Касси, словно поняла причину недовольства зверя. – Приходится…

И Касси, и ее любимица пантера привыкли к куда более холодной погоде Вайоминга, где они обе выросли. Здесь, на юге Техаса, где находилось ранчо отца Кассандры, температура обычно не опускалась ниже пятидесяти градусов по Фаренгейту даже в самые холодные дни декабря. Одного полена вполне хватало, чтобы прогнать холод из спальни. А уж двух… Через несколько минут стало так жарко, что девушка вынуждена была раздеться и осталась в тонкой кофточке и нижней юбке.

Небольшой письменный стол в углу, смотреть на который она упорно избегала в течение получаса, по-прежнему укорял ее одним своим видом; там были аккуратно разложены письменные принадлежности, сверкала чернильница с открытой крышкой, ярко горела настольная лампа, освещая заточенные перья. Отец подарил ей этот старинный письменный прибор сразу же после того, как она переехала сюда. И она во всех подробностях описывала свою жизнь матери, аккуратно посылая ей письма раз или два раза в неделю – по крайней мере так было почти два месяца.

Но теперь молчание Кассандры слишком затянулось. И сегодня днем от матери пришла телеграмма: «ЕСЛИ НЕ ПОЛУЧУ ОТ ТЕБЯ ИЗВЕСТИЙ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ, ПРИЕДУ САМА».

Последние слова – явное преувеличение, по крайней мере так хотелось думать Касси. Впрочем, мать вполне способна выполнить свою угрозу, хотя это было бы слишком. И отцу очень не понравится. Но ему в такой же степени не понравится и то, что благодаря дочери соседи по ранчо стали его заклятыми врагами.

И Касси сразу же написала и отправила по почте несколько слов – мол, пишет большое письмо, в котором все объяснит. Теперь уж пути для отступления не оставалось. Но она рассчитывала, что Миротворец все же вот-вот появится на ранчо. Тогда Касси сможет надеяться на то, что все уладится и беспокоиться будет не о чем.

Она издала звук, напоминающий стон, и звук этот заставил изящную черную кошку покинуть свое место и подойти к письменному столу, чтобы взглянуть, чем занята ее хозяйка. Марабелла всегда очень тонко чувствовала настроение Касси. И теперь не успокоилась, пока Касси ласково не почесала у нее за ухом.

После этого девушка решительно взяла в руку перо.

«Милая мамочка,

Думаю, тебя не удивит известие, что я снова попала в переделку. Уж не знаю почему, но мне пришло в голову, что мне удастся положить конец той семейной вражде, которая длится уже целых двадцать пять лет. Как бы там ни было, но мой оптимизм снова подвел меня. Ты уже, наверное, поняла, что я имею в виду соседей папы – Кэтлинов и Маккейли, о которых я тебе уже рассказывала в своем первом письме…»

Касси приехала на ранчо своего отца во второй раз в жизни. Когда она впервые увидела дом, построенный отцом десять лет назад, он поразил ее прежде всего тем, что представлял собой точную копию их дома в Вайоминге, который отец когда-то покинул. Было впечатление, что она никуда и не уезжала, и это ощущение не исчезало, пока она не вышла во двор.

Отец уже давно звал Касси в гости, но мать наотрез отказывалась разрешить дочери отправиться в путь одной, пока ей не исполнилось восемнадцать лет – было это два года назад. Сама же Катарина Стюарт поклялась, что ноги ее в доме бывшего мужа никогда не будет. Она не виделась с ним уже десять лет, с того дня, как он уехал из Вайоминга, а до этого еще столько же лет не разговаривала с ним, хотя они и жили в одном доме, пока Касси не исполнилось десять. Их взаимоотношения, вернее отсутствие оных, были той самой сферой, в которую Касси никогда не позволяла себе вторгаться. Ей так хотелось, чтобы все сложилось по-другому, но родители терпеть не могли друг друга.

Вернувшись домой после первой поездки к отцу, Касси рассказала маме все про Кэтлинов и Маккейли, а также про свою новую подругу Дженни Кэтлин, девушку на два года моложе нее. Теперь Дженни была погружена в меланхолию, ведь она вступила в тот возраст, когда юные леди начинают мечтать о замужестве, а единственный во всей округе более или менее симпатичный, по ее словам, молодой человек являлся одним из четырех сыновей Маккейли – их заклятых врагов.

Касси раньше не могла даже представить себе, что Дженни может когда-либо войти в семью Маккейли. Потом ей пришло в голову, что Дженни, наверное, смотрит на это семейство другими глазами, нежели ее мать и старший брат. От Касси не укрылось, как Клайтон Маккейли, младший из четырех братьев, частенько поглядывал в церкви на Дженни, а ее подруга каждый раз краснела, когда чувствовала на себе его взгляд.

«Тебя, мамочка, думаю, не удивит и то, что я умудрилась втянуть в эту старую историю и Стюартов – во всяком случае это касается меня. Папа до сих пор ничего не знает, но когда узнает, то это определенно не доставит ему удовольствия. Я-то уеду, а он, бедный, останется и будет жить с ними дальше.

Ты не спеши его бранить за то, что он позволил мне вмешаться во все это, ведь его в тот момент здесь не было, так что остановить меня было некому.

Все началось незадолго до его отъезда, вскоре после того как я приехала, но он сначала ничего не знал – мы тщательно от него скрывали. А потом папа получил письмо от одного человека с севера Техаса, которого он два года уговаривал продать ему бычка-производителя. Человек этот написал, что готов продать бычка. Так что не ругай папу, что он оставил меня одну и отправился за покупкой, – он думал, это займет не больше двух недель, а мне уже двадцать лет, и я должна бы прекрасно справляться со всем хозяйством. Так и было бы, если бы не это дело. Он, правда, хотел, чтобы я поехала вместе с ним, но я упросила его оставить меня, потому что я уже… да, не так просто все это описать. Мне очень захотелось снова выступить в качестве свахи, и, к сожалению, на этот раз я преуспела в данной роли.

Мне удалось убедить Дженни Кэтлин и Клайтона Маккейли, что они любят друг друга. Но ведь, мама, мне казалось, что так оно и есть. Они так были рады, когда я сообщила им это. Мне не составило никакого труда устроить их свидание, а потом помочь уехать в Остин, чтобы тайком там обвенчаться. К сожалению, в первую брачную ночь они поняли, что никакой любви между ними нет, а весь этот роман – лишь плод моего воображения.

Совершенно ясно, что я испортила им жизнь, но в этом нет ничего удивительного. Как ты прекрасно знаешь, мне и раньше часто удавалось все портить. Разумеется, я попыталась поправить дело. Я поехала на ранчо Кэтлин, намереваясь объяснить, что действовала из самых лучших побуждений, хотя и ошиблась. Но Дороти Кэтлин не захотела даже разговаривать со мной. Ее сын Бак посоветовал мне уехать из Техаса и никогда здесь больше не появляться».

Вообще-то Бак выразился куда крепче, но знать об этом маме было вовсе не обязательно, как не следовало ей знать и про то, сколь несдержан он был в своем гневе. Лучше не рассказывать маме и про угрозы семьи Маккейли – эти люди установили срок, к которому Касси

следовало убраться, иначе они грозились сжечь ранчо ее отца. Не стоило упоминать также и о том, что Ричард Маккейли перехватывал ее почту, а потом говорил, что письма пропадают, вот почему она не получила от матери за последние шесть недель ни одного письма. Не следовало писать маме и о том, что как-то раз Касси обнаружила, что на полу и на сиденье ее кареты разбросаны кости, а троих наемных работников отца соседи угрозами вынудили взять расчет и уехать. И уж совершенной ерундой на этом фоне выглядела записка, которую подсунули под ее дверь. В записке говорилось, что если ее кошка еще хоть раз выйдет за границы их ранчо, то Касси обязательно пригласят на барбекю из кошатины.

Не следовало маме знать и о том, что Сэм Хедли и Рафферти Слэйтер, батрачившие на семейство Кэтлинов, подловили Касси во время ее поездки в ближайший городок и напугали так, что теперь, выбираясь в город, она непременно вешала на пояс свой добрый «кольт» на потеху всех праздных зевак на улицах.

И уж вполне определенно она не собиралась сообщать маме о том, что отец, уехавший из дому две недели назад, застрял еще минимум на три, поскольку ненаглядный бык лягнул его так, что папа, упав, сломал ногу и два ребра. Вместо всего этого она напишет так:

«Они очень милые люди, но бывают совершенно несносны, когда кого-нибудь невзлюбят, как теперь меня».

Касси отложила в сторону перо и принялась думать о том, что у нее остается в запасе всего три недели, чтобы поправить дело, ведь она прекрасно понимала, что сделает отец, когда вернется домой. Он попросту бросит все, что выстроил на своем ранчо за последние десять лет, и переедет куда-нибудь подальше отсюда. В конце концов, он и жил здесь только по той причине, что это доставляло ему удовольствие, а не потому, что таким образом зарабатывал себе на жизнь – он принадлежал к одной из самых богатых семей в Коннектикуте.

«Поскольку они даже не хотят слышать моих извинений, у меня остался только один выход. Я попросила приехать сюда хорошего друга дедушки Кимбаля, которого все окружающие зовут Миротворцем. Я ничуть не сомневаюсь в том, что он сразу же положит конец разгоревшейся вражде соседей, и жду его прибытия со дня на день».

Вообще-то Касси ждала его приезда уже несколько недель и теперь начала серьезно беспокоиться из-за задержки, ведь он заверил ее, что приедет непременно. Миротворец и в самом деле был ее последней надеждой. Наверное, когда она отправится завтра в город на почту, чтобы отправить письмо маме, то пошлет ему еще одну телеграмму.

«Так что теперь, мамочка, ты, надеюсь, понимаешь причину моего долгого молчания. Мне страшно не хотелось признаваться, что у меня опять неприятности, тем более что я надеялась выйти из положения сама. Я сразу же напишу тебе, как только все это закончится и папины соседи снова, как и прежде, будут ненавидеть только друг друга».

Касси прикусила губу и, нахмурясь, перечитала написанное. Напоследок она оставила самое трудное – ей предстояло отговорить свою матушку мчаться сломя голову выручать своего «ребенка» из очередной скандальной истории.

«Я знаю, что ты просто преувеличила, говоря, что собираешься приехать сюда, но если тебя не страшит путешествие в разгар зимы, то и в самом деле приезжай. Я совершенно уверена, что папа не будет иметь ничего против такого визита. Разумеется, все неприятности закончатся, прежде чем ты успеешь добраться до ранчо, и папа будет несколько удивлен, чего

ради ты пустилась в такой трудный путь. Ведь ты же не хочешь, чтобы он подумал, что ты пытаешься восстановить ваши отношения?»

Касси решила этими словами и закончить письмо. Она достаточно хорошо знала свою мать и понимала, что, дойдя до этих слов, Катарина Стюарт скорее всего разорвет письмо на мелкие клочки и швырнет их в огонь. Как наяву она слышала гневное восклицание матери: «Восстанавливать отношения с этим подонком? Только после моей смерти, и пусть он об этом знает!»

Сколько Касси помнила себя, она всегда передавала людям то, что о них говорили в ее присутствии. Если рядом не было третьего, кто мог бы подтвердить или опровергнуть сказанные ею слова, то зачем молчать? Нет уж! Пусть прежде думают о том, что говорят.

Касси отодвинулась от стола, потянулась и взглянула на Марабеллу.

– Ну вот, одной морокой меньше, по крайней мере на сегодня, – сказала она своей любимице. – А если еще и Миротворец блеснет своим искусством, то мы сможем остаться здесь до весны, как и собирались.

Она возлагала большие надежды на друга своего деда, и имела основания для этого. Однажды ей пришлось быть свидетельницей того, как тот шепнул несколько слов человеку, буквально кипевшему от гнева, и через пять минут тот уже хохотал во все горло. Друг деда обладал недюжинным талантом примирять людей, и на этот раз ему придется расхлебывать ой какую крутую кашу, которую она здесь заварила.

Глава 3

Найти ранчо «Дубль С» было довольно просто. Если, выехав из городка, держать прямо на север, как вам укажут, то оно довольно быстро появится прямо перед вами. Но выглядело ранчо совершенно не так, как представлялось Ангелу. В этих южных краях большинство владельцев поместий перенимали обычаи мексиканских соседей и строили на землях дома из самана, что помогало переносить нестерпимую летнюю жару.

Ангел же увидел двухэтажный деревянный дом, построенный скорее в традициях Северо-Запада. С полдюжины ступенек вели на веранду, окружавшую нижний этаж и достаточно просторную, чтобы на ней разместилось несколько стульев, кресел-качалок и даже двухместные качели в каждом углу. Второй этаж украшали балконы, на которые выходили двойные двери, ведущие, как он понял, в спальни. Балконы эти отбрасывали густую тень на располагавшуюся ниже террасу.

Дом показался Ангелу смутно знакомым, словно ему уже приходилось видеть это строение раньше, хотя на самом деле он никогда еще не забирался так далеко на юг. Хозяйственные постройки, во всяком случае, те из них, которые были видны глазу, располагались за домом, так что, даже стоя в двадцати футах от парадного входа, Ангел не мог сказать, занимались ли владельцы этого ранчо обработкой земли. Экипаж, поданный к главному входу, куда больше походил на изящную городскую двуколку для выездов, чем на излюбленную в глубинке телегу, равно пригодную и для поездок людей, и для перевозки грузов.

Едва Ангел приблизился к дому на уже упомянутые двадцать футов, как входная дверь отворилась и черная кошка размером с горного леопарда метнулась в его сторону. Он даже не успел сообразить, откуда она появилась – невозможно было представить себе, что «леопард» жил в доме; Ангел тут же принялся успокаивать испуганную лошадь, на всякий случай доставая из кобуры револьвер.

Но тут прозвучал выстрел, его широкополая шляпа стремительно слетела с головы, а в следующее мгновение до него донесся очень спокойный женский голос:

– Даже и не помышляйте об этом, мистер.

Ангел успел заметить, что женщина стояла на террасе и дуло револьвера было направлено на него. И тут же его взгляд метнулся к кошке, которая на миг замерла при звуке выстрела, но потом снова двинулась к нему, хотя уже не так быстро. Она приближалась, и его лошадь отчаянно заржала, сделала шаг вбок, вскидывая голову, и встала на дыбы.

Он предпринял отчаянные усилия, чтобы удержаться в седле. Проклятие! Не хватало оказаться нос к носу с этим мерзким существом! Когда его лошадь наконец прочно встала копытами на землю, он увидел, что кошка остановилась и теперь неподвижно сидит почти рядом, футах в пяти, глядя на него большими желтыми глазами.

– Марабелла, – позвала женщина тоном, не допускающим ослушания.

Да, она назвала ее Марабеллой… И тут он сделал то, чего не делал никогда, что запретил себе раз и навсегда. Он потерял хладнокровие и обнаружил это перед женщиной!

– Леди, если вы немедленно не уберете это животное с глаз долой, – скрипнул он зубами, стараясь вернуть свое обычное спокойствие, – то я не отвечаю за последствия.

Она, казалось, не обратила на его слова никакого внимания, возможно, потому, что все еще держала в руках револьвер, направленный на него.

– Вы не в том положении, чтобы…

Все происшедшее вслед за ее словами заняло буквально секунды. Ангел выхватил из кобуры свой револьвер и выстрелил, выбив пулей оружие из ее руки. Она воскликнула: «Сукин сын!» – и затрясла ушибленными пальцами. Кошка в ответ на ее возглас грозно заурчала, причем довольно громко, а лошадь Ангела, услышав зверя, шарахнулась в сторону. На этот раз

Ангел не удержался в седле и рухнул в пыль, лошадь ускакала, а шипящее и скалящееся чудовище двинулось в его сторону и замерло теперь всего в каком-то футе от него, среагировав на одно слово, сказанное почти шепотом: «Марабелла».

И все же ему дьявольски хотелось выстрелить в эту киску. А потом и в ее хозяйку, черт подери! Он не мог припомнить ситуации, когда бы вот так терял самообладание. Любой идиот мог сразу сообразить, что эта кошка, или как там ее, принадлежит хозяйке дома. Любимица хозяйки. Ибо лишь любимица с такой готовностью могла повиноваться ей. А женщина позволила зверю напугать его лошадь, да и, черт возьми, его самого.

Понимая, что это черное чудовище должно быть ручным, он, обуреваемый гневом, лишь усилием воли заставил себя отвести взгляд от животного, сидящего совсем рядом и не спускающего с него глаз. Когда ему удалось сделать это, он, прищурившись, посмотрел на хозяйку ранчо.

Она подняла выбитый пулей револьвер и теперь держала его в левой руке, зажав под мышкой ноющие пальцы правой. Вряд ли без серьезного ремонта можно стрелять из этого револьвера, но она, похоже, даже не подумав об этом, снова направила чертово дуло прямо на него.

– Я не собираюсь стрелять, мистер, хотя и владею оружием ничуть не хуже вас. Но если вы попробуете направить на меня ту железку, которую держите в руке, то Марабелла разорвет вас на кусочки.

Могла ли она подстрелить его, когда брала на мушку? Это представлялось ему весьма сомнительным. То, что она сбила с него пулей шляпу, могло быть как предупреждением, так и просто промахом. Что касается ее второй угрозы, то здесь он ничуть не сомневался. Но слова женщины явно свидетельствовали о том, что она боится его. Что ж, это вполне понятно – она видела, на что он способен. Он сумел обезоружить ее, когда она держала его на мушке, а его собственный револьвер покоился в кобуре. Так что теперь у нее есть все основания трусить, видя его гнев.

– Вы просто сошли с ума, если думаете, что я спрячу револьвер! Нет уж, пока эта чертова зверюга дышит мне в затылок…

Ситуация зашла в тупик. Оба не желали уступать. Лишь через несколько долгих минут Ангел решил: для начала надо отделаться от мерзкого животного. И, насупившись, пробурчал:

– Позовите ее, леди, тогда мы, может быть, сможем поговорить…

Она надменно вздернула подбородок:

– Никаких разговоров не будет, вы просто немедленно уберетесь отсюда. И передайте им, что они напрасно подослали ко мне наемного убийцу.

– Им?!

– Да, тем людям, которые вас наняли.

– Никто меня не нанимал, леди. Льюис Пикенс просто послал меня, чтобы…

– Хватит, ради Бога. – Она опустила оружие. – Я не верю вашим россказням. – И тут же добавила: – Марабелла, иди сюда, моя милая. Он совершенно неопасен.

В первый раз с тех пор, как Ангел вступил в пору зрелости, кто-то счел его неопасным. Но он не стал обращать на это внимания. Остановившимся взглядом он следил, подчинится ли дикая кошка приказу хозяйки, и наконец дождался – лобастая голова повернулась в сторону женщины, длинное грациозное тело напряглось, и в конце концов кошка пересекла двор и поднялась по ступеням на веранду. Ангел облегченно вздохнул, но не спрятал револьвера до тех пор, пока Марабелла не исчезла в доме.

– Ты можешь вернуться на кухню, Мария, – сказала женщина, обращаясь к кому-то, кто стоял за дверью, и добавила: – Ты ведь знаешь, как стрелять из этого ружья?

Ангел усмехнулся. Оказывается, кто-то еще все это время держал его на мушке, а он даже не заметил. Он становился опасно беззаботным. Хотя нет, все его внимание было приковано

к этому ужасному черному зверю и к этой идиотке на террасе. Боже, пожалуйста, пусть она не окажется Кассандрой Стюарт!

Девушка спустилась по ступеням и приблизилась к нему. Только сейчас он обратил внимание на ее изысканную одежду: длинную черную накидку, подбитую мехом, пять рядов голубых кружев на юбке, выглядывающих из-под накидки и касающихся носков туфелек. Небольшая касторовая шляпка небрежно надвинута на темно-каштановые волосы. Элегантный городской наряд, с которым абсолютно не вязалась кобура револьвера на поясе, надетом поверх накидки.

Сунув револьвер в кобуру, она протянула ему руку:

– Я Кассандра Стюарт. Скоро ли приезжает мистер Пикенс?

Ангел проигнорировал повисшую в воздухе руку, будучи не уверен, для чего именно она протянута. Это вызвало у нее едва заметную улыбку. На улыбку он тоже не стал обращать внимания. То, что она оказалась той самой особой, с которой он должен иметь дело, заставило его мысленно выругаться, пока он вставал на ноги и отряхивал пыль с плаща. Меньше всего ему хотелось снисхождения от женщины. Но именно для этого он и находился сейчас здесь – уплатить долг.

Прежде чем ответить ей, он нагнулся и поднял свою шляпу. Отверстие от пули находилось как раз в центре тульи. Он снова выругался, на этот раз вслух. Черт побери! Она вполне могла убить его!

Повернувшись, он хмуро посмотрел ей в лицо:

– Когда починят ваш револьвер, мисс, я хотел бы убедиться, действительно ли вы умеете владеть им.

Она сдвинула брови, вновь достала из кобуры револьвер, осмотрела его и воскликнула:

– Черт побери, да вы же испортили его!

– А вы испортили мою шляпу.

Прищурившись, она взглянула на него:

– Представьте себе, это было оружие, сделанное по специальному заказу, мистер… Кстати, кто вы такой?

– Ангел. И представьте себе, что это была не какая-то, а двадцатидолларовая шляпа, мадам.

– Я возмещу вам убытки. – Она на шаг отступила от него. – Что значит Ангел? Ведь вы не тот самый Ангел, не правда ли? Не тот, которого называют Ангелом Смерти?

Губы его сложились в кислую улыбку. Большинство людей не осмеливались называть его этим именем.

– Оно мне тоже не очень нравится.

– И правильно, – бросила она мрачно.

Но во взгляде ее светло-серых глаз промелькнула тревога, что доставило-таки Ангелу изрядное удовлетворение. Впрочем, тревога эта должна была появиться куда раньше. Люди, даже не знавшие его, обычно старались держаться от него подальше. Сама внешность его красноречиво говорила: «Будьте начеку».

– Что ж, – с нервной усмешкой сказала она, отвечая на его взгляд. – По счастью, у меня есть еще один «кольт» новой модели, иначе я была бы очень огорчена.

– Порадуйтесь, леди, что мне не придется слишком долго ловить свою лошадь, не то вы смогли бы увидеть мое огорчение…

– Посмейте только притронуться ко мне хотя бы пальцем…

– Да мне скорее придет в голову пристрелить вас.

Он тут же упрекнул себя за нелепо вырвавшиеся слова. Вдруг потерять контроль над своими чувствами! Что это с ним происходит? Он ведь никогда не бросал на ветер пустых

угроз. Но в этой женщине было нечто такое, что выводило его из себя. Пусть даже сейчас она и не держит его на мушке своего револьвера.

– Забудьте, что я сказал, – коротко бросил он.

– Охотно, – ответила она, отступая, однако, от него еще на шаг.

Он едва сдержал улыбку. Ее нервозность определенно приводила его в хорошее настроение.

– Вы всегда стреляете в людей, которые приходят к вам в гости?

Она моргнула, надув губки – весьма изящно очерченные губки, как он теперь заметил, – и гордо выпрямилась. Черт побери! Ведь она действительно испугалась его. И только сейчас обрела свою былую храбрость.

– Вы собирались пристрелить Марабеллу. Я не могла позволить вам сделать это. А она выбежала из дома до того, как я смогла остановить ее.

Слова эти заставили его задуматься.

– Значит, вы не спускали ее на меня?

– Разумеется, нет, – ответила она, самим тоном сказанного давая понять ему, сколь глупый вопрос он задал.

– Не убежден в этом «разумеется», леди.

– Здравый смысл…

– Думаю, нам лучше оставить этот разговор, – произнес он, упреждая ее возможную дерзость.

Она напряглась, стараясь понять, что он имел в виду.

– Все же полагаю, вам стоит изложить ваше дело, а затем уйти.

Господи, да он ушел бы немедленно, если бы мог.

– Пикенс не приедет, – кратко сообщил он.

Она какое-то мгновение смотрела на него широко раскрытыми глазами, потом взволнованно прижала руки к груди.

– Но ведь он должен был приехать! Я так рассчитывала на него! Он заверил меня, что непременно приедет.

Странно, но ее искреннее огорчение подействовало на Ангела. После всего, что проделала с ним эта мисс, он не мог испытывать к ней добрых чувств. Но не мог и сердиться, видя, насколько она расстроена.

Ангел даже заставил себя найти слова утешения:

– Он, честно говоря, уже собрался в дорогу. Даже побывал в банке и снял со счета необходимую сумму на дорогу. Но по пути домой ему встретилась шайка команчей, которые за кем-то гнались. Разумеется, Пикенс не мог позволить им безнаказанно разбойничать. Он остановил негодяев, и в перестрелке его довольно серьезно ранили.

– О Боже, но ведь он жив, не правда ли? Это только моя вина. Дедушка никогда мне не простит…

– Почему вы вините себя? Ведь вас же там не было, – удивился Ангел.

– Но это я попросила его приехать. Если бы не я, он бы не отправился в этот банк и не… – Она замолчала, увидев, что, слушая ее, он покачивал головой. Тон ее голоса и выражение лица стали упрямо-вызывающими. – Я всегда готова признать свою ошибку. И ничуть не стыжусь этого.

– Как вам угодно. – Он пожал плечами, не пытаясь переубедить ее.

Ее задиристость тут же исчезла без следа. Она обиженно закусила нижнюю губу. Лицо ее помрачнело, подбородок задрожал, словно она была готова заплакать, и у Ангела все сжалось внутри. Он еще ни разу в жизни не утешал плачущую женщину, да и не собирался этого делать. Если она проронит хоть одну слезу, он тут же уйдет.

– Неужели он?.. – спросила она, не решаясь выговорить слово «мертв».

– Нет! – тут же поспешил заверить ее Ангел. – Доктор сказал, что Пикенс будет жить, хотя ему придется какое-то время полежать в постели. Поэтому он и послал за мной свою подругу.

Тревога исчезла с лица Касси, но она нахмурилась:

– И все равно я ничего не понимаю. Прошло уже около шести недель. Почему он раньше не сообщил мне, что не может приехать? Теперь у меня почти не осталось времени.

Ангел не умел так же легко, как она, признавать свои ошибки.

– Наверное, это моя вина. Пикенс довольно быстро нашел меня, но я задержался на несколько недель в Нью-Мексико[1]. Правда, он ни словом не обмолвился, что его сообщение надо доставить так срочно.

– Понятно… – Хотя поняла она мало, и лицо ее выражало крайнее смущение.

– Гонцов с плохими вестями всегда встречают без радости, – начала она церемонно, – однако я благодарю вас за то, что сделали крюк и заехали ко мне. Но и телеграммы было бы вполне достаточно. И еще мне очень жаль, что ваша лошадь убежала. Вы можете взять одну из наших, чтобы верхом разыскивать свою. А когда найдете, вернете нашу лошадь на конюшню.

Опустив руку в карман своей накидки, она извлекла из него золотую двадцатидолларовую монету.

– Этого вам должно хватить на новую шляпу.

Ангел тупо уставился на ладонь, на которой лежала протянутая ему монета.

– Берите же, – повторила она.

Он даже не пошевелился. Девушка передернула плечами и сжала пальцы в кулак.

– Как вам угодно. А сейчас, с вашего позволения, мне необходимо ехать. Как раз перед вашим появлением я собралась в город.

Повернувшись, она зашагала прочь. Ангел постоял, переминаясь с ноги на ногу, а когда она приблизилась к своему экипажу, наконец выдавил из себя:

– Очевидно, мне надо было выразиться яснее, мадам. Дело в том, что Льюис Пикенс просил меня… заменить его. Я здесь, чтобы решить ваши проблемы, каковы бы они ни были, так что вам стоило бы сперва ввести меня в курс дела, а уж потом отправляться в город.

Услышав слова «заменить его», она резко обернулась и взглянула на него расширившимися от удивления глазами. Потом на ее лице вновь появилось обычное упрямое выражение.

– Я что-то не пойму вас.

– Я, кажется, выразился достаточно ясно.

– Да, вполне, – процедила она, едва сдерживая раздражение. – Я просто не могу поверить. О чем только думал мистер Пикенс, выбрав именно вас? Мне нужен человек, который бы смог уладить дело миром, а отнюдь не забияка. Вы же способны только обострить ситуацию.

– Но что это за ситуация?

Она нетерпеливо махнула рукой:

– Нет смысла рассказывать, если вы все равно не поможете мне. Если бы дело можно было решить силой оружия, я вполне справилась бы и сама.

Он не смог удержаться от улыбки, представив себе множество дырявых шляп, летающих в воздухе. Но тут же отвернулся, чтобы она ничего не заметила. Немногие даже близкие люди удостаивались чести убедиться, что ему свойственно чувство юмора. А уж ее он не собирался вводить в этот узкий круг.

– У вас есть сарай, где спят батраки?

– Да, но… Погодите! – крикнула она, когда он направился на задний двор усадьбы. – Вы не можете оставаться здесь. Разве вы не поняли меня?

Он замедлил шаг и небрежно обронил:

---

[1] Н ь ю-М е к с и к о – штат на юго-западе США. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Я-то прекрасно вас понял, а вот вы меня – нет. Я приехал сюда, чтобы заняться вашими проблемами вместо Пикенса. Я у него в долгу и не уеду отсюда, пока не расплачусь.

Когда он заворачивал за угол дома, она догнала его и схватила за руку.

– Это ваши с ним расчеты, мистер, и никакого отношения ко мне они не имеют.

– Теперь имеют.

– Это совершенно неприемлемо. Я повторяю: вы не можете…

Рычание, донесшееся из дома, заставило обоих замереть на месте. Обернувшись на этот звук, Ангел увидел большую кошку, сидящую на подоконнике и пристально глядящую на них. По счастью, окно не было открыто, но, даже заметив это, он не сразу пришел в себя. Независимо от того, что эта «киска» всего лишь домашнее животное, любимица своей хозяйки, он не мог считать ее безобидной.

– Что это за зверюга? – спросил он наконец.

– Черная пантера.

– Не знал, что они водятся в Техасе.

– Они и не водятся. Марабелла приехала к нам из Африки.

Он решил не спрашивать, каким образом она здесь очутилась.

– Держите-ка ее подальше, пока я тут, идет?

Его слова снова заставили девушку возмутиться.

– Если бы вы остались на ранчо, чего, впрочем, не случится, вам прежде всего следовало бы подружиться с Марабеллой. И еще не мешало бы, по понятным причинам, познакомить с ней вашу лошадь – но ведь вы, повторяю, не останетесь здесь. Конюшня вон там. – Она указала на длинное строение рядом с амбаром. – Выберите себе лошадь и отправляйтесь туда, откуда приехали.

Касси полагала, что таким образом расставила все по своим местам. Чего уж яснее? Но, повернувшись к нему спиной, вдруг услышала очень спокойный голос:

– Ну что ж, в таком случае мне придется решать ваши проблемы в моей обычной манере.

Сообразив, что он имеет в виду, девушка сверкнула расширившимися от гнева глазами:

– Вы не посмеете!

Он не удостоил ее ответом.

– Ладно! – бросила Касси. – Оставайтесь, но не вздумайте никого убивать. Никакой стрельбы. Никаких трупов. Ясно?

Она не стала дожидаться его возражений. Просто повернулась, уселась в коляску и умчалась прочь. У Ангела не было никаких сомнений в том, что эта женщина уступила ему только под давлением обстоятельств. В иной ситуации он тоже уехал бы. Но ведь он дал другу слово помочь ей, а без доверия с ее стороны не урегулируешь ее проблемы. Хотя Ангел давно привык действовать по-своему, на этот раз, видно, придется поступить иначе. И лишь услышав стук колес удаляющегося экипажа, он подумал, что так и не узнал, в какую историю попала эта малышка. Черт бы побрал эту женскую нервозность!

Глава 4

Нет, это не сработает. У Касси было достаточно времени по пути в город, чтобы перебрать в уме все возможные последствия вмешательства этого человека, включая самые худшие – если Кэтлины и Маккейли подумают, что она решилась нанести им ответный удар. Да и что в принципе может сделать наемный убийца? Угрожать? А если на эти угрозы никто не обратит внимания, тогда начнется стрельба. И ее отец вернется домой в самый разгар… войны.

Она должна была быть настойчивее. Ей следовало поднять на смех этого типа и твердо стоять на своем: «Благодарю вас, нет». У нее, мол, отнюдь не те проблемы, которые может решить наемный убийца. Хотя стоило признать, что их можно решить и таким образом, но для нее это совершенно неприемлемо, и она объявит ему решение сразу же, как только вернется на ранчо.

Полная неожиданность! Еще до того, как он назвал свое имя, она догадалась, что «гость» зарабатывал себе на жизнь револьвером. Разумеется, его имя было ей известно. Она слышала его едва ли не с детства, ибо он был уроженцем ее родных мест, а последние семь лет он регулярно появлялся то в самом Шайенне[2], то где-то поблизости. Местные парни вовсю хвастались, что именно этот город – его родной дом. А был ли у него где-нибудь настоящий дом, об этом не знал никто.

Он не был похож на того самого Ангела, образ которого мог бы сложиться в ее воображении, если бы она когда-нибудь вздумала представить себе лицо человека, с именем которого было связано так много легенд. Не гигант, как Маккейли, – лишь немногим более шести футов, впрочем, это можно было заметить, лишь стоя рядом с Ангелом. Правда, Касси и сама была не из малышек, но он возвышался над ней примерно на полфута. Короче говоря, рост его не поражал воображения.

Издали вы видели человека, одетого во все черное, исключение составлял светло-желтый плащ, что подчеркивало его стройную мускулистую фигуру. Зато сразу же бросались в глаза рукоять револьвера, висевшего у него на бедре, поблескивавшие на солнце серебряные шпоры, низко надвинутая на глаза широкополая шляпа и легкая небрежность, с которой он держался в седле, – все это удивительно гармонировало с его собранностью, скоростью движений, особой стремительностью, чему Касси была свидетельницей.

Но, приблизившись к нему, вы прежде всего замечали его глаза, в которых светились беспощадность и жестокость. Вся его сущность была отражена в них – черных, как бездонная пропасть, лишенных души, страха и сомнения и даже совести. Эти глаза так завораживали, что внимание не сразу переключалось на волевой подбородок, чисто выбритую кожу чуть впалых щек, красиво вылепленный нос, резко выступающие скулы. И еще позже становилось понятно, что лицо этого человека было отмечено своеобразной суровой красотой. Касси осознала это, только проехав половину пути до города.

Впрочем, о его красоте можно было и поспорить; куда важнее было понять, что представляет собой этот человек. Но даже не вдаваясь в детали, Касси сделала вывод, что Ангел относится к тому типу людей, с которыми она не желала иметь ничего общего. По правде говоря, он пугал ее. Как ни крути, но его работа состояла в том, чтобы убивать людей, и справлялся он с ней блестяще.

Ей оставалось только надеяться на то, что соседи не узнают, что человек, известный под именем Ангел Смерти, побывал у нее с визитом. Можно также рассчитывать и на то, что его дурная слава не проникла так далеко на юг, но это было весьма слабым утешением, ведь достаточно одного взгляда на этого человека, чтобы понять что к чему. Даже не зная его имени,

[2] Ш а й е н н – столица штата Вайоминг.

можно было сделать вывод о том, что он собой представляет. Хоть бы он к вечеру убрался с ранчо!

Подъезжая к городку, она решила, что отправит Льюису Пикенсу еще одну телеграмму, поблагодарит его за заботу и соврет. Сообщит, что, мол, все проблемы уже улажены и в помощи Ангела милосердия уже нет нужды. Затем выложит Ангелу все о своих проделках и решительно заявит, что ему надо покинуть эти места. Он уедет, а она… Она окажется в той же ситуации, что и шесть недель назад, да еще и без всякого резерва времени для того, чтобы как-то выпутаться из этой отвратительной истории.

Выйдя от кузнеца, который починил револьвер, Касси направилась к станции дилижансов, где помещалась почта, чтобы отправить телеграмму. Сегодня, пока не починили револьвер, ей пришлось расхаживать по городу с «винчестером», который обычно лежал под сиденьем экипажа. Она обращалась с «винчестером» столь же свободно, как и с «кольтом», но «винчестер» был неуклюж, да и тяжел, его неудобно таскать с собой по городу. Конечно, ей следовало взять в дорогу шестизарядный спортивный револьвер, но она умчалась в таком гневе и раздражении, что начисто забыла о нем.

О том же, чтобы появиться на улицах вообще без оружия, нечего было и думать. Хотя Касси не встретила никого из Маккейли или Кэтлинов либо кого-то из преданных им душой и телом батраков, однако она еще не покинула город, а прежде, когда доводилось бывать в городе, ей почти всегда попадались эти типы. Но по-настоящему она опасалась только Рафферти Слэйтера и Сэма Хедли, с ними как раз и не следовало сталкиваться безоружной.

Эти двое лишь периодически работали на Кэтлинов, но уже имели неприятности в городке благодаря своему буйному нраву. Они не принадлежали к тому типу людей, которых обычно нанимала себе в батраки Дороти Кэтлин – парни перекати-поле, нигде не задерживающиеся надолго и нанимающиеся на работу только тогда, когда им нужны деньги на очередной кутеж в городке субботним вечером. Когда их выгонял очередной хозяин, они воспринимали это как нечто само собой разумеющееся, не мстили, но все же порой примыкали к той или другой враждующей стороне, и Касси очутилась с ними по разную сторону баррикад.

Она с содроганием вспомнила тот день в платной конюшне, когда они неожиданно возникли перед ней, отрезав все пути к отступлению. Сэм дерзко толкался, а Рафферти, схватив ее, нагло касался ее тела. При этом в его глазах появилось то гнусное выражение, которое ей уже случалось замечать, когда он встречал ее на улице. Сэм старался запугать ее, а Рафферти не просто пугал, он делал это с наслаждением.

Никогда раньше ей не доводилось бывать в такой переделке – впредь ничего подобного она не допустит. Пусть только встретится этот Рафферти Слэйтер ей в городке и снова осмелится взглянуть на нее подобным взглядом, она тут же всадит в него пулю, а уж потом спросит, чего ему надо. Этот человек больше не посмеет прикоснуться к ней своими лапищами.

После того случая на конюшне в городе она с большой осторожностью заходила туда. Сегодня оставила свой экипаж перед мелочной лавкой Колли, где первым делом опустила в почтовый ящик письмо для матери. Направляясь к станции, где размещались почтовое и телеграфное бюро, она посмотрела на свой экипаж: он находился именно там, где она его оставила, но позади него кто-то привязал двух лошадей.

Увидев их, Касси сразу же остановилась и огляделась, пытаясь найти глазами наемного убийцу. Она ни минуты не сомневалась в том, что это были лошади Ангела – та, на которой он прискакал, и та, которую он позаимствовал из ее конюшни.

Ангел стоял, привалившись спиной к стенке салуна «Вторая попытка», находившегося через дорогу от нее. Широкополая шляпа была надвинута на глаза так низко, что точно не скажешь, на кого он смотрит, но Касси чувствовала, что смотрит именно на нее.

Девушка нервничала. Зачем он последовал за ней в город? Почему даже не сделал попытки приблизиться и объяснить свой поступок? Более того, он даже не пошевелился, оста-

ваясь в своей небрежной позе! Но любой прохожий мог видеть, что он в городе. Коулли был, в конце концов, очень небольшим городком, а Ангел – не местным. И для любого местного жителя было само собой разумеющимся поинтересоваться, что это за тип появился здесь, даже если бы он и не выглядел как наемный убийца.

Касси в раздражении стиснула зубы. Теперь нечего и мечтать о том, чтобы скрыть свою связь с этим человеком. Она не могла покинуть городок, не поговорив с этим типом, ведь его лошадь была привязана к ее экипажу. Если никто не обратил внимания на его появление в Коулли сегодня утром, то теперь уж все становилось совершенно ясным. К концу дня все горожане будут спрашивать друг у друга: что общего у этой Стюарт с наемным убийцей? А милые соседи не замедлят появиться на ее ранчо и потребовать объяснений, и если к тому времени Ангел не уедет, начнется сущий ад.

И все это – ее ошибка. Она не должна была позволять этому человеку следовать за ней. Надо было сразу настоять на его отъезде. Нет, она должна была позволить ему остаться на ранчо и разрешить заняться ее делами. Тот факт, что он тут же отправился в город и присматривает за ней, словно сам себя произвел в телохранители, говорит об одном: он решил делать все по-своему, не обращая внимания на ее слова и не учитывая ее мнение.

Касси зашагала по улице, не глядя в его сторону. Теперь она спешила, опасаясь, как бы он не остановил ее до того, как она отправит телеграмму. И ее остановили. Но не Ангел.

Из магазина шорных товаров Вилсона на дорогу перед Касси вышел Морган Маккейли. Касси почти столкнулась с ним. Узнав его, она попыталась проскользнуть мимо, пока тот не заметил ее. Но не тут-то было.

Морган слыл известным дамским угодником. Его взгляд всегда блуждал, отыскивая в толпе существо в юбке. Не прошло и секунды, как он увидел Касси, повернулся к ней лицом и преградил дорогу. Она попыталась обойти его, но он тут же дал ей понять, что не собирается так просто отпустить ее. В конце концов она отступила на шаг, дав ему возможность одарить ее широкой улыбкой, впрочем не нашедшей ответа с ее стороны.

Касси всегда обескураживало, что здесь, в Техасе, никто не воспринимает ее всерьез. Люди только смеялись, когда она надевала пояс с револьвером. Они не обращали внимания, когда она возмущалась их наглостью. К ней относились как к беспомощной девице – по крайней мере пока с ней рядом не было черной пантеры. Даже не знающие страха Маккейли побаивались Марабеллы.

Но Касси никогда не брала свою любимицу с собой в город, так что взгляд Моргана, направленный на Касси, был куда увереннее, чем взгляд самой Касси. Девушка испугалась.

Из четырех сыновей Моргана-старшего этот был вторым по старшинству; ему исполнился двадцать один год, и он был таким же, как все прочие братья – словно на подбор крупные и мускулистые. Все сыновья унаследовали от отца темно-рыжие волосы и темно-зеленые глаза. Касси ни секунды не сомневалась в том, что он не способен поднять на нее руку, что, впрочем, не мешало ей опасаться его темперамента. Братья отличались вспыльчивостью, а вспыльчивый человек в ярости может наделать таких глупостей, на какие совершенно не способен в обычном состоянии.

– Не ожидал встретить вас сегодня в городе, мисс Стюарт, – хмуро произнес Морган.

Лишь два месяца назад он звал ее просто Касси, как и большинство друзей и родных. На танцах, устроенных как-то в субботу в пустовавшем амбаре Вилли Бэйтса, он часто приглашал ее, а спустя неделю позвал на воскресный пикник у скал Виллоу. Намерения его были совершенно ясны. Он и не скрывал того, что ухаживает за ней. Она же вся трепетала от страха, но была и заинтригована. Ведь все братья Маккейли были на редкость красивыми, к тому же, как она поняла за несколько последних лет, было довольно трудно найти мужчину, готового жениться на ней и Марабелле.

По правде говоря, Морган тоже не очень жаловал Марабеллу, однако пантера не пугала его до такой степени, чтобы он отказался от ухаживаний за ее хозяйкой. Но продолжалось все это лишь до тех пор, пока Касси не вмешалась в жизнь одного из братьев столь бестактно, что никто из них не хотел простить ее. После того как на нее обрушился гнев прочих соседей, он дал ей понять, что его интерес к ней имел под собой единственное желание – заполучить ранчо ее отца.

Было это правдой или же он сказал это в сердцах, но слова его уязвили Касси сильнее, чем она могла предполагать. Когда дело касалось мужчин, она становилась крайне недоверчивой. И Морган Маккейли еще более укрепил в ней это недоверие. Вообще-то этот парень ей нравился. Как и она ему. Во всяком случае, еще несколько недель назад она на это надеялась. Теперь же в душе ее ничего не осталось, близость его не вызывала в ней ни малейшего волнения. Единственное, что она испытывала, – это сожаление да еще изрядный страх.

Касси задумалась над смыслом его довольно мрачного приветствия – насколько она знала Моргана, он ничего не говорил просто так. И Касси спросила с опаской:

– Это почему же?

– Считал, что вы уже вовсю складываете вещи.

Само собой, ей не миновать неприятного напоминания о предстоящем отъезде при встрече с Маккейли или Кэтлинами. Именно члены семьи Маккейли назначили крайний срок, к которому она должна убраться из этих мест, – в противном случае они угрожали сжечь ранчо ее отца.

– Думаю, ваши расчеты неверны, – ответила она сдавленным голосом, делая еще одну попытку обойти его.

И снова он преградил ей путь, вынудив остановиться.

– Вы делаетесь невыносимым, Морган. Дайте же мне пройти, – сказала она.

– Нет, прежде расскажите мне о госте, который сегодня утром расспрашивал о дороге к вашему дому.

Касси готова была застонать. Она еще не успела придумать причин, объясняющих появление Ангела, ведь в ее версии все должно было логично стыковаться. Но Касси не умела лгать. Это всегда было заметно.

И все же она попыталась как-то объяснить Моргану появление незнакомца:

– Ничего особенного. Он… просто случайно заехал в наши края… ему нужна работа.

– Тогда вы бы отослали его к нам, – возразил Морган. – Никто не станет наниматься к вам до конца недели.

При новом напоминании о ее отъезде Касси напряглась. До сих пор она еще надеялась на то, что угроза сжечь ранчо отца – досужая болтовня, не имеющая под собой реальной почвы. Все же с этими людьми она общалась, они были ее друзьями, а один из них даже ухаживал за ней. Хотя это было до того, как она устроила этот злополучный брак.

Она попыталась отвести разговор от Ангела:

– Мне надо поговорить с вашим отцом, Морган. Скажите ему, что я заеду сегодня…

– Он не хочет видеть вас. Сказать по правде, Клейтон совершенно вывел его из себя. Хотите знать, почему он это сделал, мисс Стюарт?

В голосе его появились злые нотки, и она отрицательно замотала головой. Она и в самом деле не хотела знать этого, понимая, что так или иначе виноватой окажется все равно она.

Но Морган решил выложить все до конца и начал скорбно-укоряющим тоном:

– Этот мой идиот-братец, похоже, совершенно сошел с ума, вернувшись из Остина. Бездельничает напропалую и болтает о каких-то там «правах», которыми обладает, поскольку дело касается его «жены». Договорился даже до того, что может отправиться в Остин и увезти эту самую Кэтлин, поскольку они до сих пор не разведены. Разумеется, отец выбил из него эту дурь кнутом.

Касси ошеломленно глядела на него, не пытаясь скрыть изумления.

– Вы говорите, он хочет сохранить свой брак с Дженни?

Услышав этот вопрос, Морган густо покраснел, словно отрицая тем самым даже саму возможность такого предположения.

– Вроде бы так, – пробурчал он. – Его тянет к ней, и все благодаря вам, так что сейчас он хочет чего-то еще. И на меньшее не согласен.

Теперь покраснеть пришлось Касси, поскольку предмет разговора был не для невинных девичьих ушей. Морган тоже понимал, что зашел далеко за рамки дозволенного, но это его не волновало. Парень был страшно зол на Касси за то, что она натворила, положив конец его надеждам жениться на ней. Был он зол и на себя за то, что ему не хватало смелости пойти наперекор отцу и последовать зову сердца. Он понимал, что все еще не остыл к ней.

Когда Касси в первый раз нанесла визит его отцу, Морган почти не обратил на нее внимания. Ей было восемнадцать, и она еще ничего собой не представляла как женщина – ее едва ли можно было назвать симпатичной. В Коулли же было довольно много хорошеньких, даже красивых женщин. К тому же, на вкус Моргана, она была слишком маленькой и хрупкой, как ребенок. Он тогда решил, что в ней нет ничего, способного зажечь его.

Но мисс Кассандра Стюарт обладала чертовски странной особенностью, заключающейся в том, что с каждой встречей она становилась все более привлекательной, и вскоре очаровала его своей красотой. Он начал замечать, что, хотя она и миниатюрного сложения, в ней нет ничего детского. И чем внимательнее он присматривался к ней, тем больше она ему нравилась.

Морган постоянно думал о Касси еще в прошлом году, задолго до ее отъезда с ранчо отца, а перед самым отъездом понял, что влюбился. Когда она не приехала к отцу зимой, он решил забыть про свои чувства к Касси и стал поглядывать на других девушек – до тех пор пока снова не встретил ее.

Странно, но, встретив ее в этом году, он словно взглянул на нее новыми глазами. Еще прошлым летом он думал, что немного свихнулся, позволив ей завладеть его мыслями и даже являться в откровенно плотских фантазиях. Прошло всего шесть месяцев, и его отношение к ней разительно изменилось. Одного взгляда на Касси оказалось достаточно, чтобы он сразу же воспылал неудержимым желанием, причем чувство его было так серьезно, что Морган даже попросил у отца позволения жениться на этой девушке.

Маккейли-старший всегда говаривал своим сыновьям, что для исполнения любых их желаний необходимо лишь его, отцовское, согласие. Благословение Чарльза Стюарта на замужество дочери Морган почитал делом второстепенным, мнение самой Касси и вовсе не принимал во внимание. Члены семьи Маккейли, до предела самоуверенные, полагали многие вещи само собой разумеющимися.

Глава семьи Маккейли невзлюбил Касси за то, что ей, как он полагал, удалось убедить его младшего сына нарушить семейную традицию и поступить по своей воле, без разрешения отца. Упорство Клейтона было подобно соли, попавшей на открытую рану. И рана самого Моргана еще не затянулась и саднила – он все еще жаждал Касси, хотя и понимал, что она для него потеряна навсегда.

Он не винил в создавшемся положении отца, слишком упрямого и закосневшего в своих понятиях, чтобы измениться. Не винил он и вражду между соседями, причин которой толком не знал, хотя длилась она, сколько он помнил себя. Виноватой считал только Касси с ее отвратительной манерой совать свой нос куда не следовало. Если бы он женился на ней, то смог бы выбить из нее привычку вмешиваться в чужие дела. Теперь же никаких шансов на брак у него не оставалось.

Но она никогда не узнает о его чувствах, решил Морган. Ни взглядом, ни жестом он не даст ей этого понять. А когда наступит конец недели и она уедет, он уж постарается окончательно забыть девчонку. И чем скорее это произойдет, тем лучше.

Касси старалась не обращать внимания на то, что его зеленые глаза неотрывно следят за каждым ее движением. Да он просто неприлично пялится на нее! Но вдруг ей в голову пришла мысль: Клейтон Маккейли, возможно, в душе хотел, чтобы его невеста вернулась к нему. Догадка эта настолько ошеломила Касси, что она даже схватилась за грудь. Значит, женская интуиция не подвела ее и после всего случившегося. Значит, план соединить две семьи браком и тем самым положить конец застарелой вражде еще может сработать! Разумеется, ее к этому времени здесь уже не будет, и она не увидит, как это произойдет.

– А зачем вам нужна эта штука, Касси? – вдруг спросил Морган.

Очнувшись от одолевавших ее мыслей, Касси взглянула на собеседника. Нахмурившись, тот смотрел на «винчестер» в ее руке. Вид оружия так поразил его, что он даже отбросил свое официальное обращение «мисс Стюарт» и несколько раз назвал ее по имени. Только сейчас она сообразила, что он впервые видит ее вооруженной.

– У меня были неприятности с… В данный момент не имеет никакого значения, зачем мне это нужно. – Она упрямо тряхнула головой.

В душе она ругала себя за попытки установить мир между двумя враждующими семьями, ведь из-за этого у нее теперь кошмарные неприятности. И Моргана вряд ли возмутит то, как обошлись с ней батраки Кэтлинов, расскажи она ему об этом. Возможно, он даже похвалил бы своих врагов за то, что так славно припугнули ее. И Касси решила смолчать про тот случай.

Но Морган не пропустил мимо ушей ее слова, брови на его хмуром лице сходились все ближе и ближе.

– Какие еще неприятности?

Она не ответила на вопрос и снова попыталась обойти его. На этот раз он не стал загораживать ей дорогу, а остановил, решительно взяв за руку.

– Ответьте же мне! – потребовал он.

Не знай Касси его так хорошо, она могла бы подумать, что им движет забота о ее благе. Но тут было явно не то, его семейка собиралась к концу недели сжечь ранчо ее отца. Он, конечно же, просто раздражен тем, что Кэтлины досаждают ей больше, чем Маккейли.

Как бы там ни было, но она вовсе не обязана отвечать ему.

– Вы не имеете никакого права требовать от меня ответа, Морган Маккейли, – решительно проговорила Касси и повернулась, желая высвободить руку. – Позвольте же мне…

Слова буквально застряли у нее в горле – чуть развернувшись, она бросила взгляд вдоль улицы и краем глаза заметила движение светло-желтого плаща. Ангел успел зайти за ее спину и теперь стоял, вроде бы отдыхая, прислонившись к одной из деревянных стоек, на которые опирался выступающий козырек у входа в шорный магазин.

Никто не сказал бы, что они знакомы. Наоборот, со стороны он казался случайным наблюдателем весьма интересной сцены, разыгравшейся между Касси и Морганом. Но его внешняя безучастность не могла никого обмануть – стоило только всмотреться в этого человека попристальнее. Большой палец левой руки мужчины был засунут за пояс, плащ расстегнут, и полы его отброшены за спину, а правая рука, как бы небрежно покоившаяся на бедре, находилась как раз над рукояткой его «кольта» сорок пятого калибра.

Он стоял футах в семи от них – вполне достаточно, чтобы слышать весь разговор и прийти на помощь в случае необходимости. Касси ужаснулась, представив, что может произойти в следующие несколько секунд.

Она тут же отвела взгляд и сделала вид, что не знает Ангела, надеясь, что Морган не заметит его присутствия. Но не тут-то было! Оказалось, что Морган смотрит теперь прямо на ее так называемого защитника, проследив за испуганным взглядом Касси. И без того хмурое лицо Моргана от этого отнюдь не просветлело.

– Вам что-то угодно, мистер?

Касси содрогнулась, услышав агрессивные нотки в тоне, которым были произнесены эти слова. Беда всех мужчин рода Маккейли состояла в том, что внушительная внешность вселяла в них чувство превосходства над окружающими и создавала обманчивое ощущение неуязвимости. Хотя револьверная пуля с таким же успехом пробила бы и человека вдвое крупнее. Ангел, прекрасно сознавая это, ничем не выказал ни своего впечатления от встречи с гигантом, ни своей готовности отвечать на его вопрос. А ведь он прекрасно знал, что молчание могло задеть больнее любого ответа! Кому понравится, когда его не видят в упор, Маккейли же привыкли, что все держатся с ними очень почтительно.

Касси нарушила повисшее в воздухе тягостное молчание, чтобы отвлечь внимание Моргана, и произнесла первое, что пришло ей в голову:

– Передайте своему отцу, что я не уеду, пока он не согласится переговорить со мной.

Взор Моргана тут же обратился к девушке.

– Я же сказал, он не хочет…

– Я слышала, что вы сказали, – раздраженно оборвала она его, – и все же передайте ему мои слова, иначе мы все окажемся в неприятном положении. Сможете ли вы поджечь дом, когда в нем буду я?

– Не будьте… послушайте меня… черт возьми, женщина! – От волнения он не находил слов.

От всего происходящего Касси разволновалась и сама, не говоря уже о том, что просто ужаснулась собственной отваге. Она вовсе не собиралась обманывать Маккейли, если это можно было назвать обманом. Если бы ей дали время подумать, она ни за что не осмелилась бы на такое. Но времени у нее не было. Она хотела лишь отвлечь внимание Моргана от Ангела – ах, если бы Ангел держался подальше от них!

Но, к сожалению, ее маневр имел лишь временный успех. Если бы Ангел удалился, пока она отвлекала от него внимание Моргана, ее старания были бы вознаграждены. Но он все так же стоял, не сходя с места, и глядел на них своими черными, как смертный грех, глазами, провоцируя гнев самим своим присутствием. И Морган, раздосадованный тем, что не может найти убедительных слов и не знает, как справиться с женским упрямством, решил, что может дать выход раздражению, обрушив его на голову этого любопытствующего прохожего. Он пока не связывал его с тем человеком, о котором расспрашивал Касси.

– Выкладывайте, что вам надо, мистер, а нет – ступайте своей дорогой. У нас, как видите, личный разговор.

Ангел, не меняя своей расслабленной позы, очень спокойно ответил:

– Но это, кажется, общественная территория, к тому же я бы хотел услышать от дамы, что ей не причиняют беспокойства.

Морган высокомерно взглянул на него:

– Я и не думал причинять ей беспокойство.

– А мне кажется, дело обстоит совершенно иначе, – ответил Ангел, намеренно растягивая слова. – И я хотел бы услышать, что скажет дама.

– Мне не причиняют никакого беспокойства! – поспешила заверить Касси, взглядом пытаясь дать понять Ангелу, чтобы он не вмешивался, и прошипела сквозь зубы Моргану: – А вы докажите это и отпустите меня. Вы ведете себя неприлично.

Моргану пришлось оторвать взгляд от Ангела, чтобы посмотреть на Касси. И он даже удивился, что все еще держит ее за руку.

– Извините, – промямлил он, разжимая пальцы.

Касси лишь едва кивнула в ответ и зашагала прочь. Рассердившись на себя за несдержанность – вырвавшиеся у нее слова могли к концу недели обернуться поджогом ранчо, она не хотела даже думать, что оставила наедине двух мужчин, один из которых крайне деспотичен

и вспыльчив, а другой вообще совершенно непредсказуем. Но по ней – пусть эти петухи хоть перестреляют друг друга.

Глава 5

Глядя вслед поспешно удаляющейся девушке, Ангел все же не выпускал из поля зрения человека, которого она называла Морганом. Касси шагала стремительно, едва не бежала. Морган тоже смотрел ей вслед и вполголоса что-то ворчал себе под нос. Ангел не до конца понимал смысл сцены, свидетелем которой ему довелось стать, но все это ему определенно не нравилось. Лишь через какое-то время он все-таки сообразил, что произошло на его глазах.

Высокий техасец, вспомнив о присутствии чужака, повернулся к нему и уже готов был что-то сказать, но Ангел поспешно произнес:

– Вам придется извинить меня, но дама вот-вот уедет с моей лошадью.

Черт возьми, именно это она и собиралась проделать. Ангел тихонько чертыхнулся, представив, как ему придется нестись что есть духу, чтобы успеть остановить экипаж, который трогался с места.

К тому времени когда, запыхавшийся и растерзанный, Ангел все же догнал его, экипаж уже выезжал из городка. Меньше всего Ангел думал о том, чтобы не напугать девушку, когда вдруг окажется рядом на сиденье.

– Леди, это называется угоном лошадей! – выпалил он, тяжело дыша.

Рот ее от удивления приоткрылся, когда она, обернувшись, увидела двух лошадей, послушно бегущих за экипажем.

– О Боже, я совершенно забыла… даже не заметила… и я вовсе не пыталась угнать…

Она резко оборвала свой бессвязный лепет и плотно сжала губы. Очень медленно повернула голову, и на лице ее появилось уже знакомое Ангелу выражение.

– Не стоит… – попытался он было предупредить новый виток конфронтации, но она уже с головой бросилась в омут вражды.

– Какого черта вы пытались вмешаться? Неужели не можете иначе общаться с людьми, – только гнуть и ломать их, топтать гордость и достоинство?

– Признаться, не могу.

Касси не ожидала такого ответа, как не ожидала и спокойного движения – он откинулся на спинку сиденья и скрестил руки на груди, словно поощряя ее продолжить свою речь. Это сразу же остудило ее пыл, она отвернулась и уставилась на дорогу. Выдержав паузу, девушка заметила с плохо скрытым презрением:

– Тогда вы должны везде, где только появляетесь, оставлять за собой трупы.

– Случается и так, – довольно сдержанно согласился он.

Она не нашлась что возразить. Право, уж лучше поговорить о погоде, а не об убийствах людей – эта тема, похоже, давалась ему нелегко. Она же совершенно не знала, как вести себя с подобными людьми, да и не хотела учиться этому.

Он должен уехать, сегодня же, а лучше – немедленно. И эта мысль так крепко засела у Касси в голове, что она почти непроизвольно натянула вожжи и остановила экипаж, чтобы тут же заявить об этом своему пассажиру. Она решительно повернулась и оказалась лицом к лицу с Ангелом – всего несколько футов разделяло их. Ей даже пришлось чуть запрокинуть голову, чтобы увидеть его глаза. И тут же она оказалась в ловушке его угольно-черных зрачков, теперь уже совсем не страшных, а завораживающих.

– Почему вы остановились?

Почему она остановилась? Бог знает… но тут же вспомнила. Вздрогнув, Касси забилась как можно глубже в угол сиденья, весьма смутно осознавая все происходящее и не понимая, почему любая мысль, едва родившись у нее в голове, тут же куда-то пропадает. Не понимала она и того, почему так странно чувствует себя рядом с ним и вроде бы задыхается, словно

какая-то перепуганная дурочка. Но она отнюдь не испытывала страха, во всяком случае сейчас. Ангел больше не пугал ее своей мрачноватой усмешкой.

Касси заставила себя отвести от него взгляд, чтобы снова сосредоточиться на проблеме, которая больше всего занимала ее последнее время. Отношения с соседями! И она решила, что будет смотреть только на дорогу и выскажет все – все до конца.

– Мне не нравится то, что произошло сейчас в городке. С Морганом я могу управиться и сама. Но с вами и Морганом – уже не могу. Я сказала ему то, чего совершенно не желала, и только потому, что хотела отвлечь его внимание от вас. Пока вы не схватились за револьверы.

– Я бы не стал этого делать, – возразил Ангел холодно. – Я, представьте себе, не ищу ссор. Мне они ни к чему. Порой бывает достаточно показать револьвер, и многие тут же замолкают и сматываются.

Но Касси еще не сказала всего, что намеревалась, и продолжила:

– Маккейли, к клану которых принадлежит Морган, – не совсем обычные люди. Все они на редкость горячи. Когда выходят из себя, несутся на обидчиков, как разъяренные буйволы. Морган мог бы даже не заметить, как вы вынимаете револьвер, и вам пришлось бы застрелить его, чтобы остановить. В противном случае вы сами оказались бы на земле с изуродованным лицом. Но все уже, слава Богу, позади, и никто не пострадал.

– Именно так, но…

– Я еще не закончила. – Она решительно оборвала его, по-прежнему глядя в сторону, но смущаясь под его пристальным взором. – Я была так расстроена всем происшедшим, что уехала из города, не сделав того, что намеревалась… ладно, вы можете это узнать. Я собиралась отправить телеграмму Льюису Пикенсу и сообщить ему, что мои проблемы уже решены и я больше не нуждаюсь ни в его, ни в вашей помощи. Теперь мне придется вернуться в город, чтобы закончить дело.

– Давайте, – только и произнес он.

Касси облегченно вздохнула. Она ожидала возражений, была внутренне готова к тому, что придется врать, убеждая его, что у нее нет дел, в решении которых он был бы полезен, – и все это после того, как Ангел стал свидетелем ее стычки с Морганом. Возможно, он и сам был бы рад выбраться из этой заварухи. Когда сегодня утром ему стало ясно, что придется возиться с ней, чтобы вернуть какой-то долг Пикенсу, то он не выглядел уж слишком радостным.

Она повернулась к нему с искусственной улыбкой на лице, но улыбка сразу же погасла под его хмурым взглядом. Неужели она неправильно поняла его ответ? Наверное, лучше все же было бы сочинить какую-нибудь правдоподобную ложь.

– Но у меня действительно уже нет никаких проблем. За шесть недель многое изменилось. Не будь я так потрясена вашим появлением нынешним утром, то сразу сказала бы вам это. Ведь прошло уже довольно много времени, страсти остыли, и теперь об этом не стоит и говорить.

Он снова лениво откинулся на спинку сиденья, скрестив на груди руки, и произнес, растягивая слова:

– Я уже так заинтригован, что вы, может быть, все-таки посвятите меня во все это?

Ей очень не хотелось вдаваться в подробности – она могла ненароком сболтнуть лишнее, и он сделает вывод, что его помощь все же необходима.

– Дело в том, – начала она беспечным тоном, – что несколько человек настроены против меня.

– Сколько?

Она насторожилась.

– Две семьи.

– Сколько?!

Его настойчивость заставила ее прищуриться и нетерпеливо бросить:

– Я никогда не давала себе труда сосчитать.

– Значит, их так много?

Это шутка? Он, кажется, шутит? Но в предмете их разговора нет ничего смешного, во всяком случае для нее. Ладно, пусть думает что хочет – ее это не задевает.

Она небрежно махнула рукой и заверила его:

– В общем, повторяю, ничего серьезного. Но мне хотелось бы, чтобы мистер Пикенс все же появился здесь, хорошо бы сгладить некоторые шероховатости, чтобы все стало как раньше, до того как эти люди обозлились на меня. Я надеялась, что пробуду здесь до весны, но теперь мне придется уехать раньше, как только вернется папа, и больше никаких проблем.

Он молчал и лишь выжидательно смотрел на нее – словно знал, что за сказанным скрывалось еще что-то. Да, плохи ее дела. Она уже выложила все, что собиралась. Других аргументов у нее нет.

– С вашей стороны очень любезно предложить мне свою помощь, но сейчас она просто не нужна. Мне не грозит никакая… э… опасность, да, собственно, никогда и не грозила. Так что телеграмма, которую я собираюсь послать мистеру Пикенсу, освободит вас от всех обязательств относительно меня.

– Дело обстоит именно так?

– Именно так. Он может быть уверен, что вы вернули свой долг, пусть даже вам и не пришлось ничего такого делать. Но вы ведь приехали сюда. Вы хотели помочь мне, даже настаивали на этом, – добавила она со смешком. – Вы сделали все, о чем он вас просил. Так чего ж еще…

– Вряд ли ему будет интересно знать, мог ли я что-то еще сделать, – сухо оборвал ее Ангел. – Но если проблемы больше не существует, вы не будете против, если я покручусь здесь несколько дней и поспрашиваю у людей?

Касси застыла и с негодованием спросила:

– Почему вы хотите сделать это?

– Потому что вы не очень убедительно врете, леди.

Несколько секунд она смотрела ему прямо в глаза, читая там со всей ясностью: он не верит ни единому ее слову. Вздохнув, она печально произнесла:

– Я знаю. Но большинство людей не замечают этого.

– Вы так красивы, что им кажется, будто вы не можете произнести ни слова лжи.

Что это – оскорбление или комплимент? И почему он так уверен в том, что она говорит неправду? Понять это мог лишь тот, кто хорошо ее знает.

Она сделала еще одну попытку:

– И все равно вы не сумеете мне помочь. Ваша встреча с Морганом лишь доказывает это. Вы раздражаете людей, а мне нужен человек, способный мирить их.

Глядя на нее, он медленно покачал головой.

– Я не намерен принимать ваши слова на веру, леди, во всяком случае, после всего того, что вы мне наговорили. Я решу сам, смогу помочь вам или нет. Но я должен услышать наконец, в чем состоит ваша проблема. И прошу говорить только правду. Пока не услышу ее, буду ходить за вами по пятам, а это, уверен, не доставит вам удовольствия.

Она и сама была в этом совершенно уверена. Пусть сейчас этот человек и не угрожал ей, лишь был по-бычьи упрям, но все равно заставлял ее нервничать. Каждую минуту она ждала проявлений его необузданной натуры, грубой силы и жестокости… У нее не было опыта общения с подобными людьми, хотя она и понимала, что такой опыт ей необходим. Похоже, ей не удастся быстро отделаться от этого человека.

– Ладно, – произнесла Касси со смирением в голосе. – Но сначала позвольте мне заверить вас, что ту кашу, которую вынуждена расхлебывать, я же и заварила. Видите ли, я вечно во все вмешиваюсь, за что сама и страдаю. Признаю этот свой недостаток, но ничего не могу с собой

поделать. Должна честно предупредить вас: если и вы ввяжетесь в это дело, то не исключено, что я внесу сумятицу и в вашу жизнь.

– Что ж, теперь я предупрежден, – хмыкнул он.

Похоже, ее слова не произвели на него никакого впечатления. Возможно, он решил, что изрядно напугал ее и ей не придет в голову проделывать с ним разные опасные штучки. Ладно, пусть считает так, возможно, так и будет.

– Во всяком случае, – продолжала она, – я не желала ничего плохого, только хотела положить конец глупой семейной вражде, которая длится уже двадцать пять лет. Хотя вражда разделяет не только семьи Маккейли и Кэтлинов. Батраки тоже втянуты в их распри. Когда работники встречаются в городе, неизменно возникает потасовка. А если вдруг перемешиваются стада скота – ну, тогда может дойти и до стрельбы. Мой отец последние десять лет был, по сути, буфером между ними: случилось так, что наше ранчо разделяет их владения. За это время дело никогда не заканчивалось смертоубийством, хотя по обе стороны накопилось достаточно злобы.

– Я многое знаю о подобной вражде, мисс Стюарт. Мне несколько раз случалось бывать в самом центре таких схваток.

Касси кое-что знала об этом, по крайней мере до нее доходили слухи, что одно такое враждующее семейство наняло его решать спор силой оружия. Но она решила не говорить Ангелу об этом.

– И все же эти люди – не тупые фанатики, они не требовали, чтобы все окружающие поделились на лагеря – за ту или за другую сторону. И я сохраняла хорошие отношения с обеими семьями, особенно подружились с Дженни Кэтлин, моей ровесницей, и с Морганом Маккейли.

– Это тот самый упрямый молокосос, с которым вы разговаривали? И вы называете такие отношения дружескими?

От его насмешливого тона она покраснела.

– Он был расположен ко мне, пока я не настроила против себя всю его семью.

– И как же вы умудрились проделать это?

– Выступила в роли свахи. Решила, что проще всего покончить с враждой, связав две семьи узами брака. Ведь неплохая идея? Как вы считаете?

– Что ж, если молодые супруги ладят, то, думаю, это вполне может сработать. И что же из этого вышло? Они прикончили друг друга?

Касси нахмурилась, решив не обращать внимания на его ироничный тон.

– До этого дело не дошло. Но с моей помощью Дженни и Клейтон поженились, причем каждый из супругов считал, что у них брак по любви. Я вроде бы убедила их в этом. Но в первую же брачную ночь выяснилось, что это отнюдь не так. Клейтон отправил свою невесту обратно в отчий дом, обе семьи пришли в ярость и обвинили во всем меня. В общем-то справедливо, потому что эти двое, а они самые младшие в своих семьях, несмотря на обоюдную симпатию, не додумались бы до женитьбы, если бы не я.

– Значит, теперь добрая половина соседей ненавидит вас до глубины души. И это все?

От удивления Касси приоткрыла рот.

– Все? Мне этого более чем достаточно! – с возмущением произнесла она. – Я не привыкла к тому, что меня ненавидят. Но это, к сожалению, не все. Меня попросили… точнее, обе семьи велели мне убираться из Техаса. А Маккейли еще и установили точную дату отъезда, сказали, что иначе сожгут наше ранчо. Как видите, они очень великодушны, ведь все это произошло шесть недель назад. Эти люди дали мне кучу времени, шести недель вполне достаточно на сборы. Однако я не могу уехать, пока не вернулся отец. А он задерживается из-за ранения. Срок истекает в субботу, но я не брошу ранчо, даже если бы и хотела уехать. Ни Дороти Кэтлин, ни Маккейли-старший – главы двух семейств – не желают со мной разговаривать. Я же не могу

ни принести им свои извинения, ни умолить их простить меня. А теперь скажите мне, мистер, каким образом вы можете мне помочь? Здесь необходим талант мистера Пикенса убеждать людей, взывать к их рассудку. А вы, как мне рассказывали, вообще не очень-то разговорчивы.

– От кого вы это слышали? Вы уже не первый раз говорите, что знаете меня. Но, насколько я помню, мы никогда раньше не встречались. Или все-таки встречались?

Надо же! Как он посмел забыть ее? А ведь они действительно встречались раньше! Впрочем, Касси не оскорбилась. Она не обманывалась на свой счет и не считала себя писаной красавицей, вслед которой поворачиваются головы всех проходящих мимо мужчин. Нельзя сказать, что на нее вовсе никто не обращал внимания с тех пор, как она достигла брачного возраста. Правда, их ранчо в Вайоминге – «Ленивые С» – было очень крупным хозяйством. Но вообще-то Стюарты имели и другие источники доходов, им не нужно было полностью полагаться на землю. А вот два молодых человека, которые проявляли к ней явный интерес, прямо спросили ее, не собирается ли она побыстрее отделаться от Марабеллы. Когда же она ответила, что не собирается, оба тут же потеряли к ней всякий интерес.

Поэтому она сказала Ангелу:

– Мы не встречались, но я знаю про вас все – кто вы и чем занимаетесь. Я росла на рассказах о ваших подвигах.

Он с недоверием взглянул на нее.

– Мое имя довольно известно на Севере, леди, а вот в здешних краях его почти не знают.

– Да, но я ведь не уроженка Техаса, – объяснила она. – Я приехала сюда погостить из Вайоминга.

Он пристально посмотрел на нее и пробурчал:

– Черт… так вы, значит, из тех чудаков Стюартов с ранчо «Ленивые С» неподалеку от Шайенна, не так ли? Из тех самых, у кого вместе со скотом пасется слон? Дьявольщина, я должен был догадаться.

Эти слова он произнес с таким видом, что она от негодования покраснела.

– Вы со своим дьяволом и чертом ничего не понимаете, – бросилась она на защиту своей семьи. – Просто мой дедушка очень любит делать необычные подарки. Он путешествовал по всему миру, бывал в таких местах, про которые вы и не слыхивали. Он приобщает нашу семью к своей жизни. Не вижу в этом ничего плохого.

– Ничего плохого? Да я слышал, что этот самый слон разворотил как-то половину вашего амбара.

Краска еще ярче залила ее лицо.

– Слон принадлежит моей маме. Вообще-то он чаще находится на пастбище, но иногда заглядывает и домой. Но он такой неловкий. Никакого особого ущерба слон не приносит, а мама его очень любит.

– Ваша мама…

Он вовремя прикусил язык, но она могла себе представить, что он хотел сказать. Ни для кого в Шайенне не было секретом, что Катарина Стюарт, годами живя в одном доме со своим мужем, не обменялась с ним ни единым словом, а при необходимости общалась с ним через третьих лиц. Жители городка считали такую жизнь совершенным чудачеством. А многочисленные экзотические животные, обитавшие на ранчо, только укрепляли их в этом мнении.

– И каким же образом вы заполучили эту черную пантеру? Подарок любящего дедушки?

Она едва не сказала ему, что это замечание можно счесть за оскорбление. Он, видно, полагал, что ее дедушка был малость не в себе – или даже отнюдь не малость. Но, в конце концов, его реакция понятна. А рассказывать про Марабеллу ей приходилось не впервые.

– Не совсем так. Дедушка вообще-то хотел оставить Марабеллу себе. Она досталась ему в тот самый день, когда он уезжал из Африки. Туземцы убили ее мать, собирались убить и ее, но дедушка вмешался и взял котенка с собой на корабль. Но когда они отплыли, оказалось,

что морские путешествия явно не для Марабеллы – она всю дорогу болела, отказывалась от пищи… – Девушка немного помолчала, задумавшись. – Когда дед приехал на ранчо, она была полумертвой, бедное создание, – кожа да кости. Он уже было хотел отправить ее в зоопарк, но сначала отдал мне, чтобы я ее откормила. А я очень привязалась к ней – она была такая маленькая и беззащитная. Я сумела уговорить дедушку оставить Марабеллу, а он мне ни в чем не мог отказать. И я ни разу не пожалела, что у меня есть пантера.

Даже если Марабелла и отпугнула двух ее ухажеров, возможных мужей, мысленно добавила Касси.

– Но мы, мне кажется, отклонились от темы, – продолжала она посуровевшим голосом. – Я спросила вас, каким образом человек подобного рода занятий может помочь мне? Не будете ли так добры ответить?

Недовольство промелькнуло в глубине его черных глаз.

– Разве вы не сказали, что Маккейли – на редкость вспыльчивые люди?

– Да, но…

– Если вы не хотите, чтобы я потолковал с ними, то я, напротив, охотно бы сделал это.

– Нет!

– Тогда я остаюсь здесь! Чтобы защитить вас в случае необходимости. До тех пор, пока они не оставят вас в покое либо пока вы не уедете. В любом случае мне придется держаться к вам поближе.

Похоже, такая перспектива не очень-то его прельщает, подумала Касси, почему-то испугавшись своих мыслей.

Глава 6

Он останется здесь, чтобы защищать ее. Слова эти звучали музыкой, от них веяло бы спокойствием и безопасностью, если бы их произнес любой другой человек, но не Ангел Смерти. Дело в том, что Касси не доверяла ему. И он никак не годился на роль защитника. Этот суровый мужчина пожелает как можно быстрее разделаться со своими обязательствами по отношению к мистеру Пикенсу. И вряд ли захочет сидеть и ждать, чтобы события разворачивались естественным образом. Ей страшно было даже думать о том, что произойдет, если Ангелу придет в голову, что он может подстегнуть ход этих событий.

По пути на ранчо она еще раз напомнила ему, что об убийстве как о выходе из положения не может быть и речи. Но совершенно не была уверена, что он слушал ее в этот момент. А даже если и слушал, то весьма сомнительно, что принял ее слова к сведению. Ведь в конце концов, она же не наняла его, и он не мог считать себя обязанным следовать ее указаниям.

Обратная дорога вымотала ее до предела. Касси надеялась, что Ангел выйдет из экипажа и проделает путь до ранчо верхом, но, когда они закончили разговор, он не сделал ни малейшей попытки пересесть. К тому же он был явно неразговорчив. Если Касси не обращалась к нему первой, вообще сидел молча, не произнося ни слова, и, даже если она что-то говорила, порой ничего не отвечал.

К тому же его близость заставляла ее нервничать и почти не обращать внимания на дорогу. Его ноги, обтянутые узкими черными брюками, постоянно притягивали ее взгляд. Невысокие сапожки из хорошо выделанной кожи, заботливо ухоженные, блестели отполированными шпорами, словно грязь и пыль никогда не касались их. Сапожки и шейный платок были черными, как и весь его наряд, абсолютно все предметы его костюма – исключение составляли только револьвер, шпоры и светло-желтый плащ, еще издали предупреждавший всех и каждого о его появлении.

В костюме явно ощущалась претенциозность. Скорее всего он одевался так, чтобы привлекать к себе внимание. Она прикинула, зачем он это делает, но решила не задавать никаких *личных* вопросов. К сожалению, у нее будет очень много времени, чтобы задать их позже, если, конечно, она осмелится сделать это, пока он остается на ранчо – следуя, как он обещал, по пятам за ней. «Боже! – подумала она. – Надеюсь, он не будет в буквальном смысле делать это».

Ангел поймал себя на том, что на обратном пути взгляд его несколько раз останавливался на Кассандре Стюарт. Как завороженный, Ангел рассматривал ее лицо – профиль девушки оказался куда милее, чем показалось ему вначале. Дерзко вздернутый небольшой носик, мягкие очертания скул с нежной кожей, пухлые нежные губы. Губы эти были совершенно обворожительны, его так и тянуло поцеловать их. Когда Касси в очередной раз повернулась к нему, он поймал себя на том, что смотрит на ее губы, думая, каковы они на вкус, – мысль, которая поразила его, потому что он ни в малейшей степени не чувствовал тяги к этой раздражительной особе.

Было нетрудно догадаться, что именно его присутствие нервирует ее, но в этом не было ничего необычного. Ангел действовал так на большинство женщин, в особенности на женщин благородного происхождения. Ее прямая спина, побелевшие костяшки пальцев, лихорадочно сжимавших поводья, красноречиво свидетельствовали об этом. Она даже подняла свой «винчестер» с пола экипажа и поставила на сиденье между ними. Этот жест так рассмешил его, что он не стал сдерживаться. Не попытался и успокоить ее. Обычно это не приносило успеха, но в данном случае ему даже не хотелось пробовать.

Теперь, когда Ангел знал, кто она такая, он уже по-другому смотрел на нее, хотя то, что Касси пыталась обмануть его своими выдумками, не украшало ее. Но все же девушка была из

Шайенна, и это заставляло его относиться к ней почти как к близкому существу. Хотя он и не желал этого.

Шайенн он считал своим родным домом, потому что именно в этом городе провел большую часть жизни – с тех пор как спустился с гор в возрасте пятнадцати лет или где-то около этого. Он не знал точно, сколько лет ему уже исполнилось, наверное, около двадцати шести. Не знал он и того, когда родился и где. Не знал своих родных, не знал, где они живут, если еще живы. Старый Медведь похитил его под Сент-Луисом, но он запомнил, что им пришлось ехать туда на поезде, так что Сент-Луис не был его настоящей родиной. С тех пор он однажды побывал там, но ни один человек не помнил маленького мальчика, пропавшего в городе много лет назад. К тому же эти поиски не представляли особого интереса для молодого человека, который провел свое детство на положении пленника старого полоумного горца и теперь был занят постижением того, чего был лишен в течение девяти лет, – подготовкой к новой жизни среди людей.

Он без всякого удивления услышал из уст Кассандры Стюарт рассказ о ее происхождении, но факт оставался фактом – она была членом семьи сумасшедших Стюартов, одной из богатых, сумасшедших Стюартов – ему даже доводилось видеть ее мать. Он побывал на их ранчо вместе с Джесси Саммерсом, в тот краткий промежуток времени, когда попытался наниматься на сельскохозяйственные работы батраком, но очень скоро понял, что не создан для такой жизни. Тот день по многим причинам запомнился ему с полной ясностью.

Именно тогда он в первый и единственный раз встретился с Катариной Стюарт. Ему приходилось много слышать о ней, но женщина совершенно не походила на тот образ, который сложился в его сознании под влиянием разговоров. Она оказалась красавицей, личностью, у нее был сильный характер и манеры искреннего человека. Она предпочитала по-мужски смотреть собеседнику прямо в глаза, чтобы сразу же понять его сущность. Не было в ней ни мягкости, ни застенчивости, ничего типично женского, по крайней мере днем, потому что они видели ее во время объезда границ ее поместий, верхом, облаченной в брюки и кожаные краги, с револьвером на поясе – теперь он мог понять, откуда у мисс Стюарт привычка носить с собой оружие. Семейная традиция, не более того.

Он не был знаком с ее отцом, Чарльзом Стюартом. Тот покинул Вайоминг задолго до того, как Ангел узнал про сумасшедших Стюартов. Но во всей округе не было ни единого человека, который не слышал об их семейной вражде и кто осудил бы Чарльза Стюарта за то, что тот оставил своих жену и дочь.

Поговаривали, что Катарина застала его в постели с другой женщиной, но десять лет – слишком долгий срок, чтобы наказывать мужчину за одну-единственную измену. Другие называли причиной их разрыва то, что Чарльз как-то не сдержался и крепко приложил руку к своей женушке, чего она не могла ему простить. Ходила и еще одна версия – Катарина в таких муках рожала их единственного ребенка, что с тех пор больше не допускала мужа к себе в постель.

Каковы бы ни были причины их десятилетнего молчания и разрыва, она целиком взяла на себя все дела их ранчо после отъезда мужа и управляла этим большим хозяйством железной рукой. Люди, работавшие на ранчо, повиновались ей с полуслова. Увидев ее, Ангел понял, почему так происходит. В этой женщине было нечто пугающее.

Но то давнее утро стало столь памятным для Ангела из-за двух огненно-красных попугаев, сидевших на жердочке на веранде дома – почти точно такого же, какой он увидел нынешним утром, сообразил он теперь. Попугаи были самыми необычными и забавными существами, которых он когда-либо видел. Они двигались, переступая по жердочке так синхронно, словно это была одна птица, отражающаяся в закрепленном рядом зеркальце. А этот бранный язык, на котором они непрестанно трещали – Джесси никак не мог сдержать громоподобного хохота. Катарина Стюарт не повела и бровью. Зато Ангел все ярче заливался румянцем смущения,

прежде всего от вида этих необычных существ, а потом уж от того, что они говорили в присутствии двух женщин.

Но это была лишь первая причина. Другой же стало то, что он в этот день едва не погиб, схватившись с угонщиками скота, попытавшимися угнать то самое стадо, которое они в течение нескольких недель вели в Каменистую Долину. Он тогда получил пулю в бок и едва не заработал другую – в упор между глаз, но тут появился сводный брат Джесси по прозвищу Кольт. Появился очень вовремя, буквально за пару секунд до того, как он готовился испустить дыхание. Ангел уже видел, как дрогнул револьвер в руке его противника.

Именно расплата по второму его долгу – Кольту Сандеру – и задержала его на пути в Техас. Кольт был едва ли не единственным человеком, которого Ангел мог назвать своим истинным другом. Множество людей называли другом его самого, но они хотели только одного – примазаться к славе его громкого имени. Ангел лишь терпел их. С Кольтом же дело обстояло иначе. Они оба были одиноки в этом мире, каждый из них страдал от отчужденности, с которой люди смотрели на них, хотя и по разным причинам. Кольт называл его родственной душой. Ангел не мог не согласиться с ним.

Кассандра же Стюарт и ее мать приходились соседями Кольту. Кольт, возможно, даже весьма хорошо знал их. И именно поэтому Ангел смотрел на ехавшую с ним в экипаже женщину другими глазами. Она была другом его друга. Черт возьми, он предпочел бы не знать этого.

Глава 7

Касси так не терпелось избавиться от общества наемного убийцы, что она даже не стала подгонять свой экипаж к амбару, как делала обычно, возвращаясь из города. Просто бросила его у входа в дом. Мануэль, сын Марии, все равно заберет экипаж, где бы она ни оставила его. Так что можно себе позволить не думать об усталых лошадях. Касси хотела как можно быстрее избавиться от его пронзительного взгляда.

Вот и кончилось то, что показалось ей самой длинной в жизни поездкой на одно из самых коротких расстояний. Плохо было уже то, что Ангел беспокоил ее одним своим присутствием, к тому же она чувствовала, что он почти постоянно смотрел на нее, а она не знала ни того, что он думал, ни того, почему смотрит на нее. А Бог знает, что такой человек способен сделать в любую минуту.

Обладая недюжинным умом, она прекрасно понимала, что ведет себя глупо. Почему она так нервничает? Ведь он приехал сюда, чтобы помочь, а не навредить ей. Но противоречивые чувства, охватившие ее, не поддавались логике.

В ту же секунду, когда экипаж остановился, Касси выскочила из него и бросилась на террасу. Но то же самое проделал и Ангел, обогнав ее на ступенях. Он преградил ей дорогу.

Уже во второй раз за сегодняшний день она едва не столкнулась с ним нос к носу – теперь ее остановил его вопрос:

– Куда вы так спешите, леди?

Касси в смущении поняла, что его раздражает ее совершенно нелепое поведение. И любое объяснение только усугубит положение. Колеблясь, она отступила на шаг и увидела в руках Ангела ее «винчестер».

– Вы забыли его, не так ли?

Слова эти были произнесены с такой насмешкой, что девушка сразу поняла: он догадался, что она собиралась защищаться от него. На ее щеках вспыхнул румянец. Боже, неужели она предстала перед ним такой дурой?

– Простите, – прошептала она, но как извинишься перед человеком, которого сама же обвинила в чем-то чудовищном.

Но он прервал ее:

– Берите же. Он может вам понадобиться – похоже, к вам гости.

Последнюю фразу он произнес после затянувшейся паузы, когда Касси побледнела при мысли, что она все-таки права: он смеется над ней. Но бледность ее тут же сменилась новой волной румянца, когда она поняла свою ошибку. Времени гневаться так или иначе не оставалось. Бросив взгляд в направлении, куда он указал кивком, она забыла обо всем – к ранчо приближались, одетые с ног до головы в кожу, трое Маккейли.

– О нет, – простонала Касси. – Морган просто не мог за это время добраться до дома и передать отцу мои слова. Похоже, Моргана с ними нет, впереди едет Маккейли-старший, а замыкает группу первенец – Фрейзер. Думаю, мне даже повезло, что это именно он.

– Почему?

– Он – старший из братьев и самый спокойный из них. Я не хочу сказать, что он не способен взорваться, как и прочие, просто он не так упрям и туп, как его братцы. И воспитан получше. Еще он по-своему не лишен чувства юмора. Вполне возможно, что и теперь он решил пошутить.

– Он может остудить пыл остальных? – спросил Ангел, беря ее за руку и ведя по ступеням вверх.

– Иногда… но что это вы задумали?

– Помогаю вам занять более выгодную позицию. Если они спешатся, то будут смотреть на вас снизу вверх. А если останутся в седлах, то вы окажетесь с ними на одном уровне.

От нехорошего предчувствия у нее все внутри сжалось.

– Я бы предпочла вообще не видеть их.

Она была уверена, что лишь подумала это, но он ответил:

– Тогда ступайте в дом и позвольте мне объясниться с ними.

Касси побледнела.

– Нет!

Ангел вздохнул.

– Тогда решите, чего вы хотите, леди. Кажется, вы собирались сами переговорить с этим стариком.

– И сейчас хочу.

Но она не была в этом уверена, хотя всего несколько часов назад говорила противоположное. Она не рассчитывала только, что все произойдет так быстро, и, занятая мыслями об Ангеле, не подготовилась к предстоящему объяснению. Ей необходимо было сосредоточиться, продумать, что именно и как сказать. Иначе Касси могла все только еще больше запутать, как это уже много раз с ней случалось.

Но времени-то у нее как раз и не хватало. Маккейли уже въезжали во двор усадьбы. Ангел сделал шаг вперед, чтобы первым встретить всадников, напугав ее этим куда больше, чем появление Маккейли.

И Касси произнесла с мольбой:

– Пожалуйста, не произносите ни слова. И не смотрите на них так, чтобы они разозлились. Я ведь уже сказала вам, что у всех Маккейли вспыльчивый характер. Нужно совсем немного, чтобы вывести их из себя. А это…

«Это» относилось к «винчестеру», который он все еще держал в руке. Касси взяла у него оружие и прислонила его к стене дома. Когда она обернулась, террасу уже окутала пыль, поднятая копытами трех лошадей.

– Мистер Маккейли, – почтительно произнесла Касси, выходя на верхнюю ступень и становясь впереди Ангела.

Глава семейства был крупнее и массивнее своих сыновей. Морган как-то упомянул в разговоре, что его отцу исполнилось всего сорок пять лет. В его рыжей шевелюре не серебрилось еще ни единого седого волоса, и она была на удивление пышной. Он рано обзавелся сыновьями-богатырями – теперь им было от двадцати до двадцати трех лет, по ребенку в год, – что, как поговаривали, и свело в могилу его жену.

Маккейли-старший едва удостоил Касси беглого взгляда. Морган и Фрейзер тоже не смотрели на нее. Похоже, теперь их куда больше интересовал Ангел, поэтому Касси поспешила выложить все, что хотела сказать, – пока у нее была такая возможность.

– Я понимаю, мистер Маккейли, – начала она, – вы недовольны тем, что я еще не уехала, но папа отложил свое возвращение из-за раны. Вряд ли он вернется раньше, чем через три недели, а к тому же Кэтлины угрозами вынудили уволиться моего старшего работника и еще двух батраков. У нас осталось всего несколько человек, но никто из них не способен руководить делами. Так что вы сами видите: я не могу сейчас уехать, по крайней мере до возвращения папы.

Касси перевела дыхание, удивленная и довольная тем, что ей удалось сказать самое главное и ее при этом не прервали – даже когда она упомянула этих проклятых Кэтлинов. Но ей надо было сказать еще кое-что, хотя она и сомневалась, что ей разрешат закончить.

– Вы ни разу не дали мне возможности выразить, как я сожалею…

Маккейли-старший, по-прежнему глядя на Ангела, прервал ее:

– Кто это такой, девочка? И не пытайся забить мне голову ерундой, которую ты сочинила для моего парня. Нет, это не случайный бродяга.

– Почему бы вам не спросить меня самого? – начал Ангел таким… таким угрожающим, как показалось Касси, тоном, что она буквально пришла в ужас.

– Он мой жених! – выпалила она первое, что пришло ей в голову.

Все взоры, включая и взор Ангела, обратились на нее. Видя, как недоверчивое выражение на лице Моргана сменяется гримасой гнева, она поняла, сколь опрометчивым с ее стороны было такое объяснение появления в их местах Ангела. Ведь теперь ей придется придумывать еще и объяснение того, почему она, имея жениха, позволила Моргану ухаживать за собой.

Сообразив это, она поспешно прибавила:

– Я думала, что он погиб, но он, как видите, остался в живых…

Маккейли-старший не купился на обман.

– Ты врешь, девочка, – произнес он без тени сомнения. – Не знаю, где ты его подцепила, но у тебя нет с ним ничего общего.

Касси, оторопев, смотрела на него, не зная, как убедить «старика» в своей рожденной отчаянием выдумке, и тут на помощь ей вдруг неожиданно пришел Фрейзер:

– Папа прав. Если бы вы встретились после долгой разлуки, то уж точно висели бы друг у друга на шее. Сдается мне…

Касси не дала ему закончить. Повернувшись к Ангелу, она забросила ему руку на шею, встала на цыпочки и прильнула губами к его губам.

Ни на одного из присутствующих ее поступок не произвел такого ошеломляющего впечатления, как на самого Ангела, но он не подал виду и не оказал «невесте» ни малейшего сопротивления. Наоборот, подыгрывая, он даже одной рукой обнял Касси за талию, одновременно смещая немного вбок, подальше от своего револьвера, поскольку не собирался ослаблять бдительность независимо от того, какого рода представление она намерена разыграть дальше. Скрыв удивление, он, не прерывая поцелуй, продолжал следить за тремя мужчинами, которые все еще не могли переварить то, что увидели.

Прошло несколько секунд, и Маккейли-старший, залившись краской, развернул коня и ускакал прочь. Морган, бросив на Ангела уничтожающий взгляд, последовал его примеру. Фрейзер, напротив, даже не пошевелился. Улыбаясь, он продолжал сидеть в седле. Наконец он оглушительно расхохотался.

Услышав смех, Касси разомкнула объятия и взглянула на весельчака. Но Ангел еще крепче обнял ее за талию, не отпуская от себя. Касси пришлось упереться ему в грудь, чтобы не потерять равновесия. Но она должна была посмотреть в лицо этому насмешнику Фрейзеру.

– Не знал за вами таких способностей, мисс Касси, – донесся до нее ехидный голос. – Отличное зрелище для вашего папы. На целую неделю хватило бы. То-то бы ругался и плевался, вот бы взглянуть на старика.

Чувство юмора, присущее Фрейзеру, не изменило ему, хотя в эту минуту ей трудно было оценить его шутку по достоинству.

– Это уж как вам будет угодно, а я жду его. – Касси вздернула подбородок.

– Не-а, – улыбнулся ей Фрейзер. – Вы не дождетесь своего папочки. Вернетесь к себе домой немедленно. Сказать по правде, мой отец все больше волнуется, что назначенный срок уже подходит, а вы еще тут. Он, полагаю, понял, что вы просто придумали все это, чтобы оттянуть время, хотя такого и вообразить не мог. Но кто же вы все-таки, мистер? – спросил он, обращаясь к Ангелу.

– Меня зовут…

– Джон Браун, – поспешила сообщить Касси.

Слова эти вызвали у Фрейзера ядовитую ухмылку.

– Вы могли бы придумать что-нибудь получше, мисс Касси.

Она покраснела, но тут же снова побледнела, когда Ангел открыл рот, пытаясь ответить на вопрос.

– Меня зовут…

Каблук сапожка опустился на ногу Ангела, заставив его замолчать и разомкнуть руки, обнимающие талию девушки. Она услышала, как он зашипел сквозь зубы от боли, и подумала, что Фрейзер снова расхохочется.

– Думаю, это не так уж и важно, – бросил тот и тут же, сверкнув зелеными глазами, добавил: – Может быть, даже мы все погуляем на свадьбе, прежде чем вы вернетесь к себе на Север. Вот уж папа отведет душу.

Касси решила не обращать внимание на этот хамский образчик юмора.

– Но могу ли я рассчитывать на то, что теперь ваш папа оставит меня в покое?

– Папа-то? Может быть. Но не уверен за Моргана, он, похоже, поверил… насчет вашего друга. Не доводилось видеть его в таком гневе с тех пор, как Клей вернулся домой и поведал, что сотворил при вашем участии. И уж конечно, не могу ручаться за Кэтлинов.

Улыбнувшись на прощание, Фрейзер коснулся рукой полей шляпы, развернул коня и ускакал прочь, оставив Касси наедине с Ангелом. После всего того, что она сейчас наговорила и натворила, ей больше всего на свете хотелось вбежать в дом и хлопнуть дверью прямо перед его носом.

Повернувшись, она обнаружила Ангела за своим правым плечом, причем чертовски близко от себя. Она начала пятиться вдоль террасы, удаляясь от двери внутрь дома, что, однако, не улучшило ее позицию, потому что он уже наступал на нее. Лицо его осталось бесстрастным, но вся фигура выражала такую угрозу, что сердце ее заколотилось так, как не билось даже во время их поцелуя.

– Простите меня, – начала она сдавленным голосом, а потом заторопилась. – Мне в самом деле очень жаль, жаль, что пришлось наступить вам на ногу. Я не хотела… нет, я хотела… но не должна была этого делать. Хотя, если бы они узнали, кто вы такой… боюсь, это все осложнило бы настолько… А…

Она ойкнула, натолкнувшись спиной на перила террасы, отрезавшие ей путь к дальнейшему отступлению. Но он уже приблизился к ней вплотную настолько, что тела их соприкоснулись. Она выгнулась назад, стараясь отдалиться от него, пусть даже незначительно.

Руки его опустились на перила, как бы обхватив ее, и он пробурчал, глядя на нее сверху вниз:

– Я же сказал вам, что меня в этих краях не знают.

– Вы… вы не можете быть в этом уверены. Просто удивительно, как быстро разносятся слухи. И не стоит испытывать судьбу, думая, что вы никому не известны. Вряд ли это поможет в нашей ситуации.

– А вы думаете, что ваша ложь поможет? Милая, все, чего вы достигли, – дали почувствовать мне сладость ваших губ. Мы, кстати, можем проделать все это как-нибудь еще, и без зрителей.

Щеки ее вспыхнули.

– Вы еще сумасброднее, чем можно было судить по вашему виду, – жалобно пискнула она.

– Моя нога все еще ноет, леди. Мне кажется, я могу рассчитывать на компенсацию.

Касси вздохнула:

– К сожалению, я плохой объект для мести. Вы уже видели, как несладко пришлось Маккейли. И я никогда бы не наступила вам на ногу, не сделала бы чего-то подобного, будь у меня время подумать. Но я перепугалась. Не могла ничего сообразить. Я так испугалась…

– Вы и сейчас испуганы, и это начинает меня раздражать. У вас хватило смелости устоять против троих громадных техасцев, причем двое из них явные сумасброды. Я же всего-навсего одиночка.

– Но вы убийца.

Она тут же пожалела о своих словах. В воздухе повисло тягостное молчание. Касси показалось, что он вздрогнул, как от удара, хотя она всего лишь констатировала факт. Но те чувства, которые отразились в его взгляде…

– Я вас обидела?

Момент истины. Пустой вопрос – достаточно было взглянуть на него. Он сначала решил высказать ей все раз и навсегда и прекратить вести себя как глупый мальчишка всякий раз, когда приближался к ней. Она же в душе прекрасно понимала, каким будет его ответ. Просто не хотела прислушиваться к своему внутреннему голосу.

– Нет, вы меня не обидели. И не шарахайтесь от меня, – донесся до нее его бесстрастный голос.

Она на миг прижалась к нему и тут же прошмыгнула мимо к входной двери. Все ее чувства взбунтовались при мысли о том, что этот человек мог сделать, сыграв на ее страхе. Если она обменяется с ним еще хотя бы одним словом…

– Мисс Стюарт!

Она повернулась на ходу, готовая обрушить на него новую волну гнева, но выражение его глаз, неотрывно глядящих на ее губы, заставило ее сдержаться.

– Я бы все же хотел получить свой долг.

У нее перехватило дыхание.

– Я… я думала, что вы уже получили его.

Он покачал головой, на губах его заиграла легкая улыбка – первое проявление веселья, которое она заметила, но предпочла бы не заметить. Больше он не произнес ни слова. Легко перепрыгнул через боковые перила террасы и исчез из виду.

Касси вошла в дом и аккуратно закрыла за собой дверь, вместо того чтобы изо всех сил хлопнуть ею, как собиралась сделать. Зато сердце ее билось так, словно хотело вырваться из груди.

Глава 8

«Я не начинаю борьбы, но и не уклоняюсь от нее».

Больше всего на свете Касси хотелось бы, чтобы Ангел не волновал ее так сильно. Вчера они выяснили, что он не намерен причинять ей никакого вреда, почему же она так нервничает каждый раз, когда он приближается к ней? Жизни ее ничто не угрожало. Она могла не бояться даже за свою добродетель. За той мимолетной угрозой, которую он высказал вчера, ничего серьезного не стояло, решила она по здравом размышлении. В конце концов, она знала себя и знала, что не обладает способностью очаровывать симпатичных мужчин – особенно тех, которые не созданы для жизни на ранчо. А его намерение поцеловать ее, чтобы получить долг, было лишь неловкой шуткой. На самом деле у него не было никаких таких намерений.

Но нынешним утром, когда Ангел настоял на том, чтобы вместе с ней отправиться на объезд стада, Касси снова занервничала. Ее нервозность проявилась на этот раз в болтливости, которая вдруг сменилась серьезным тоном, когда она спросила его, скольких человек он вызывал на поединок.

– Говорят, вы убили более сотни людей, – заметила она безразличным тоном.

– Про меня рассказывают множество небылиц, которые не становятся от этого правдой, – ответил он.

Они ехали верхом бок о бок. Повернув голову, она бросила на него испытующий взгляд, но не заметила в его лице никакого напряжения. Он выглядел совершенно спокойным.

– Но ведь вы считали их? – спросила она.

Какое-то мгновение он смотрел на девушку, и она могла бы поклясться, что в его глазах мерцали искры смеха, когда он произносил:

– Мне жаль вас разочаровывать, но их число не так велико, чтобы стоило об этом говорить.

– Все это были честные поединки?

– В зависимости от того, что вкладывать в понятие чести. На моей совести совсем немного жизней таких людей, которые не подозревали о грозящей им опасности. И я не испытываю особых сожалений, застрелив человека, по которому и так плакала петля. Я даю ему столько же шансов выжить, что и палач, – ни одного.

– Вы не считаете это убийством?

– Я называю это содействием правосудию. Подумайте, давали ли эти грязные типы шанс уцелеть своим жертвам, когда насиловали, грабили или убивали?

Он был явно выведен из равновесия. В голосе Ангела было столько чувства, что Касси снова захотелось, чтобы он замолчал. Но она вдруг услышала свои собственные слова, обращенные к нему:

– И сколько же это – «немного»?

– Трое.

– А причины?

– Один из них пытался нанять меня, чтобы я пристрелил из-за угла его партнера. Он решил, что если заплатит, то не будет отвечать за убийство. Я смотрел на это иначе. Кстати, так же, как и его партнер. Но я все же отдал бы того типа в руки правосудия, если бы он не сделал ошибку – не проболтался, что местный шериф у него на содержании.

Такие вещи ей были не в диковинку. Шериф их городка Коулли целиком, или почти целиком, зависел от Дороти Кэтлин, потому что приходился той племянником. Не говоря уж о том, что по другой линии был двоюродным братом Маккейли.

– Получалось, что тому человеку не грозило наказание, – догадалась Касси.

– Абсолютно ничего, но его партнера, на редкость скромного и честного человека, должны были убить однажды ночью только потому, что его угораздило связаться с подобным типом. Я не мог этого допустить.

Касси подумала, хватило ли бы у нее духу на такой поступок. Слава Богу, такой выбор никогда не стоял перед ней.

– А двое других?

Он резко остановился. Она, натянув поводья, обернулась, ища его взглядом. Он склонился в седле, держась за луку и глядя в упор на нее.

Она не видела выражения его лица, поскольку оно оставалось в тени полей надвинутой на лоб шляпы, только услышала натянутый голос:

– Вы в самом деле хотите знать это?

По тону, которым был задан вопрос, она поняла: ей лучше сказать «нет». Но понимала Касси и другое: чем лучше она узнает Ангела, тем меньше будет бояться его. А если это и не так, все равно характер заставлял ее постоянно вмешиваться не в свои дела и идти до конца. И она утвердительно кивнула головой.

Ангел тронул своего коня, поравнялся с ней и, глядя прямо перед собой, заговорил:

– Несколько лет назад я стал свидетелем того, как какой-то негодяй насилует батрачку. Очевидно, он схватил ее на поле, во время работы. Поодаль виднелась ферма; ее поля спускались прямо к реке, по берегу которой я и ехал в близлежащий городок. Он утащил ее на другой берег реки и устроился с ней за прибрежными деревьями, так что я даже не заметил бы их, не услышь я ее крики и стоны. Когда я переправился через реку и подъехал к ним, все уже было кончено. Он избил ее, наверное, за сопротивление. Я подумал, что они могут быть и супругами, хотя не представлял себе, как муж может обращаться с женой подобным образом. Поэтому я потребовал, чтобы он оставил девушку в покое. Он предложил мне убираться подобру-поздорову – в довольно сильных выражениях. И тут я заметил мальчишку, очень похожего на девушку, возможно, ее родственника, который пытался помочь ей. Он лежал неподалеку от них с ножом в груди – мертвый.

Касси перевела дыхание и закончила за него:

– И вы пристрелили этого типа.

Это прозвучало как утверждение.

– Да, я пристрелил его.

– Отлично, – произнесла она так тихо, что он едва расслышал.

– Но девушке я не помог. Она плакала навзрыд. И в ту же секунду, когда я стащил с нее этого мерзавца, она вскочила и бросилась к реке. Я побежал за ней, но не успел догнать – чуть ниже по течению был омут, и она бросилась прямо в него. Когда я вытащил несчастную на берег, она была уже мертва, и мне безумно захотелось пристрелить этого мерзавца еще раз.

Касси желала одного – поскорее забыть этот рассказ. Трагедия произошла несколько лет назад, а она заставила его снова вспомнить о ней. Ее легкомыслие и глупое любопытство привели к тому, что у него испортилось настроение.

– Надеюсь, вы не приберегли под конец самое мрачное.

Он усмехнулся краешком губ:

– Такое, что могло бы отбить у вас охоту снова задавать вопросы?

Она посмотрела на него с подозрением:

– И сколько же правды в вашей предыдущей истории?

– Я только слегка сократил ее, чтобы не рассказывать вам, какова была реакция родителей девушки. Кроме этих двоих детей, у них никого не было. Они не могли простить мне, что я не спас несчастную.

– Но ведь вы пытались!

– Это не облегчило их утрату.

– Конечно, горе действует на всех людей по-разному. – В голосе Ангела не было слышно обиды. Ему, наверное, приходилось видеть на своем веку много несчастий – причиной некоторых становился и он сам.

Неожиданно он прибавил:

– Я никому никогда не рассказывал… про эту девушку и ее брата.

Слова Ангела удивили Касси, удивили приятно – он выказал к ней особое доверие, поделившись сокровенным. И она не без самодовольства произнесла:

– Тогда вы, может быть, поделитесь со мной и последней историей?

Ей показалось, что Ангел сейчас ответит ей отказом. Но вместо этого он заметил:

– Вы и в самом деле любите во все вмешиваться.

Она покраснела, а он спокойно продолжал:

– Впрочем, я не возражаю. Третий случай имел место всего месяц тому назад. По слухам, этот парень – его звали Драйден – женился из-за денег на богатых пожилых вдовах, а потом убивал их. Он сделал это занятие своим бизнесом.

– И вы убили человека только на основании слухов?

Ангел не обратил внимания на выражение ужаса в ее глазах и небрежно продолжил:

– Об этом знали многие, так что никаких сомнений у меня не было. Неужели вы и в самом деле думаете, что я могу убить человека только из-за слухов?

Она снова покраснела, на этот раз куда сильнее, чем раньше.

– Нет, я так не думаю…

– Не думаете… Хотя совсем не сложно спустить курок, когда знаешь все про этих несчастных вдов, павших жертвой его алчности. Но я пристрелил Драйдена за то, что он едва не отдал женщину, английскую графиню, банде головорезов, прекрасно зная, что собираются с ней сделать. Женщина эта была знакома с Кольтом Сандером, и тот попросил меня «войти» в банду, которая охотилась за женщиной. Он хотел, чтобы я помог ей в случае необходимости. И эта необходимость довольно скоро возникла. Если бы я не застрелил Драйдена, он огреб бы целую кучу кровавых денег и сбежал с ними на край света, так что я уже никогда бы не смог его разыскать.

– И вы спасли эту англичанку?

– Во всяком случае, когда я в последний раз видел ее, она была жива. А дальше уже проблемы Кольта.

– Я совсем забыла, что вы его хорошо знаете. Как и Джесси, и Чейза Соммерса. Кстати, они наши соседи.

– Знаю.

Он сказал это как-то неуверенно, словно хотел, чтобы дело обстояло иначе. Она вопросительно взглянула на Ангела, но он смотрел прямо перед собой на равнину, по которой кое-где были разбросаны кустики зелени, и Касси решила, что впредь не станет возвращаться к этой теме.

– Меня несколько удивило, что Кольт дружен с белой женщиной. Если бы я не знала его раньше – до того случая в Калла…

Всякий, кому был известен Кольт Сандер, знал и о том, что несколько лет назад его едва не до смерти забили кнутом за то, что он осмелился ухаживать за белой женщиной. Позднее, когда отец девушки узнал, что Кольт по крови наполовину индеец-шайенн, он раскаялся в своем поступке. Но Кольт с тех пор никогда не смотрел на белых женщин, по крайней мере на тех, с кем ранее не был знаком. От всех прочих он бежал как от чумы.

– Пожалуй, слово «дружен» несколько неточно, – продолжал Ангел. – Графиня попросту наняла Кольта своим проводником до Вайоминга, так что он увяз в этом деле по уши. Я бы не сказал, что ему это очень нравилось.

Это было уже ближе к тому, что она раньше слышала про Кольта Сандера, и мысли Касси вновь вернулись к третьему «неправильному» убийству Ангела.

– Ведь вы хотели спасти эту англичанку от смерти – зачем же было убивать Драйдена?

Ангел снова придержал своего коня и остановился, а она повернулась, чтобы взглянуть на него.

– Да, леди, он думал, что я один из тех бандитов, которые пообещали ему пять тысяч долларов за женщину. Но он точно знал, что, отдавая графиню в руки банды, обрекает ее на смерть. Позвольте заметить, они не собирались просто убить ее – без мучений и издевательств. Простите, что называю вещи своими именами. А если человек совершает нечто, заслуживающее виселицы, то я не гнушаюсь работы палача, могу избавить его от лишних хлопот. И если вы полагаете, что я сожалею об убийстве этого негодяя, то очень ошибаетесь. Мне это доставило искреннее удовлетворение. А благодарность?.. Она тоже назвала это хладнокровным убийством, хотя, если бы меня там не оказалось, была бы давно мертва. Вот и решайте, как можно назвать мой поступок.

Касси потерянно молчала. Он, конечно же, разозлился на нее за попытку судить его и был прав. Находясь там, она могла бы составить свое мнение о тех событиях, и еще не известно, хватило бы у нее смелости убить Драйдена, как это сделал он.

Она отвернулась, устремив взгляд перед собой и ожидая, пока Ангел не поравняется с ней. Коричневато-серые цвета равнины стали постепенно сменяться зеленью прилегающего к реке холмистого луга, где паслось стадо. Бивак двух оставшихся работников ее отца должен был располагаться за следующим пригорком, но Касси не находила себе места от смущения, и ей показалось, что до этого места предстоит тащиться еще несколько миль.

– Вы правы, – произнесла она извиняющимся тоном. – Этот человек виноват в такой же степени, как если бы совершил убийство: ведь намерение – то же самое, что и деяние.

– Не всегда.

Он произнес эти слова, глядя прямо на нее, и его глаза, все еще мерцающие гневом, не оставляли сомнений относительно его чувств к ней. Но странным образом это не испугало ее, а заставило рассмеяться.

– Пока вы только думаете об этом, – улыбаясь, сказала она.

– О чем?

– О том, чтобы свернуть мне шею.

Он сдвинул шляпу на затылок, открыв свое лицо лучам солнца, и медленно произнес, лениво растягивая слова:

– Значит, мысли написаны у меня на лице?

Глаза ее расширились в притворном ужасе.

– Неужто вы приготовили мне что-то пострашнее?

Он рассмеялся, подыгрывая ей:

– Полагаю, свернув вам шею, я буду удовлетворен.

– Увы, шея у меня слишком тощая. И свернуть ее – раз плюнуть. Вряд ли это доставит вам удовольствие.

– Тогда придется подумать о чем-нибудь другом. Не могу представить себе мести без…

Он не закончил. Два выстрела, последовавших один за другим, заставили его насторожиться, хотя хлопки и донеслись издалека. Низкий гул, последовавший несколько мгновений спустя, прояснил ситуацию. Они уже слышали нечто подобное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.